С Новым годом, товарищи!

ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Здравствуй!

Александр **ПРОКОФЬЕВ**

Ой, все белым-белым-бело,
Все вдруг метелью замело.

А за метелицей сама
Идет, бежит, снежит зима.

Идет зима российская
И красит рощи синькою,

Все осыпает серебром,
На блеск проверив,
на излом!

...А с дальних мест при ветерке
Идет мальчишка в свитерке,

Идет румяный поутру,
У всей России на смотру;

Идет по нивам и лесам,
Растет, наверно, по часам;

В Москве окончит свой поход.
Мы скажем:
«Здравствуй, Новый год!

Ты будешь, друг, у нас в чести,
Ведь при тебе садам цвести,

Садам цвести, а нам дружить,
А новым спутникам кружить!»

Морозным днем.
Фото В. Тарасевича.

На первой странице обложки: Рисунок итальянского художника Рауля Вердини.

На последней странице обложки: Рисунок Б. Зеленского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 1 (1594)

1 ЯНВАРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вся дружная семья советских народов разделила торжество своих украинских братьев и сестер, вместе с ними радостно отметила знаменательный праздник —40-летие Советской Украины.

В юбилейной сессии Верховного Совета УССР приняли участие посланцы союзных республик, а также Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Одессы и Севастополя.

С докладом «Сорок лет Украинской Советской Социалистической Республики» выступил тов. А. И. Кириченко.

На сессии с большой речью выступил встреченный бурной овацией тов. Н. С. Хрущев. В конце своей речи тов. Н. С. Хрущев огласил приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР ЦК КП Украины, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров Украинской ССР.

Делегация пионеров приветствует юбилейную сессию. В президиуме (слева направо): А. И. Кириченко, Н. С. Хрущев и Д. С. Коротченко.

БОЛЬШОЕ ТОРЖЕСТВО

Киев. Карнавальное шествие молодежи вечером 23 декабря.

Фото Н. Козловского.

Интервью «Огонька».

ХОРОШЕЕТ НАША МОСКВА!

И. ЛОВЕЙКО,
главный архитектор Москвы

Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции газета «Московский листок», жалуясь на плачевное состояние городских финансов (Городской думе грозило в ту пору банкротство), утверждала, что Москва сумеет подняться до уровня своих «западноевропейских и американских собратий» не раньше чем через пятьсот лет. «Пять столетий, никак не меньше», — уныло твердил буржуазный публицист.

Нельзя, конечно, без улыбки читать сейчас эти строки. Даже наши недруги вынуждены признать, что масштабы и темпы строительства в Москве колоссальны.

Пять — шесть лет назад застройка Песчаных улиц считалась у нас последним словом строительного искусства. Теперь это давно пройденный этап. Сегодня районом самого массового и, добавлю, прогрессивного строительства является юго-запад. Один за другим вырастают тут внушительные жилые кварталы, в том числе экспериментальные. К 1960 году на юго-западной территории столицы сформируется целый город в тридцать кварталов, с монументальными общественными зданиями, школами, кинотеатрами, с огромным парком в триста гектаров.

Недавно утверждена схема размещения жилищного строительства в ближайшие годы. Оно будет вестись и уже ведется не только в привычных, знакомых местах (Ленинградский проспект и Проспект Мира, Волоколамское шоссе, Измайлово, Новые Черемушки, многие центральные улицы, набережные), но и на других обширных пространствах.

Вблизи Кутузовского проспекта, между Филями и Кунцевом, тянутся пашни и огороды деревни Мазилово. Пройдет немного времени — и тут поднимутся кварталы типовых домов с озелененными участками, вырастут школы, поликлиника, Дом культуры, гаражи, гостиницы и, наконец, Зеленый театр.

Где находятся Верхние Мневники? Даже московских старожилов вы поставите в тупик этим вопросом. А между тем к концу пятилетки чудесный по природным условиям район села Хорошево и деревни Верхние Мневники, расположенный у лесопарка и пляжей Серебряного бора, завоюет не меньшую популярность, чем, скажем, Песчаные улицы. Под застройку тут отведено около 675 гектаров. На этой территории можно построить полтора миллиона квадратных метров жилой площади, в том числе около полумиллиона в шестой пятилетке.

Волхонка, ЗИЛ... Знакомые названия. Но и Волхонка и ЗИЛ, о которых в данном случае идет речь, находятся к югу от Варшавского шоссе и названы так временно и условно по именам деревушки Волхонка, прижавшейся к шоссе, да расположенного неподалеку поселка автозавода.

Несколько месяцев назад сюда пришли строители. Уже появились тут этажи первых типовых домов.

За годы пятилеток в столице прибавилось около 300 улиц, площадей, проездов, вовсе не фигурировавших на прежних картах. Некоторые старые районы переживают второе рождение. Примером может служить Марьина роща с узкими переулками чуть ли не двухвекового возраста.

Недавно мы приступили к реализации утвержденного Исполкомом Моссовета проекта, по которому от площади Коммуны до ВСХВ протянется Шереметевская магистраль протяженностью в пять километров. Магистраль изменит весь облик Марьиной рощи. Вместо ее пятидесяти нынешних кварталов, «нарезанных» когда-то собственником сих мест, царским вельможей Шереметевым, проект оставляет восемь, зато по 20—30 гектаров в каждом. Жилыми домами (преимущественно в пять этажей) намечено застроить пять кварталов, а три — это зеленые оазисы с вкрапленными в них спортивными площадками, кинотеатрами, ресторанами и кафе. В каждом жилом квартале запроектированы свои магазины, школы, скверы, гаражи для индивидуальных машин.

Тот, кто приедет сегодня в Марьину рощу, увидит первенцев нового строительства — несколько крупноблочных домов.

...Москва строится, расширяется на земле и под землей. Как известно, в мае 1958 года вступят в эксплуатацию станции метро Щербаковского радиуса: «Ботанический сад», «Рижская», «Щербаковская», «ВСХВ», — а в конце года и станции Фрунзенского радиуса: «Ленинские горы» и «Университетская». Рассматривается вопрос о строительстве Калужского радиуса. Он свяжет существующие линии с Новыми Черемушками. Намечено также продлить строящуюся линию «подземки» Киевский вокзал — Фили до Мазилова.

И москвичи и приезжие испытывают неудобства в ожидании зеленого огня светофора на особо загруженных перекрестках. Давно назрела необходимость устроить несколько подземных пешеходных тоннелей, например, под улицей Горького (на площади Маяковского и в районе Охотного ряда) и площадью Революции. Такие тоннели будут сооружены. Запроектирован и переход под Театральным проездом. Вы сможете спуститься в тоннель на улице 25 октября и, поднявшись по эскалатору, очутиться в здании «Детского мира».

Кстати, о «Детском мире». Пока готовы две его очереди. Приступлено уже к сооружению третьей, со стороны Пушечной улицы и улицы Жданова. В корпусах площадью в десять тысяч квадратных метров разместятся новые залы.

В Москве немало театральных помещений, и все же их не хватает. Этот недостаток постепенно устраняется. На Тверском бульваре завершится начатое еще до войны строительство здания, которое предоставят Музыкальному театру имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

На Садовой-Самотечной улице будет сооружено новое здание Центрального театра кукол с двумя самостоятельными залами: для детей — на первом этаже и для взрослых — на третьем. На втором этаже разместится музей.

На территории сада «Аквариум» почти подведено под крышу здание Театра имени Моссовета со зрительным залом на 1 200 человек. Вращающуюся сцену оснастят совершенными механизмами.

До конца пятилетки в столице построят несколько широкоэкранных кинотеатров, в том числе кинотеатр с залом на 2 300 зрителей на Пушкинской площади. Скоро откроются двери первой в Москве кинопанорамы.

Уже забивают сваи на строительстве здания Музея Советской Армии на площади Коммуны. В музее запроектировано 28 экспозиционных залов с завершающим залом Боевой славы.

Сейчас в столице 528 садов, скверов, парков, бульваров и 900 озелененных улиц и набережных общей протяженностью в 540 километров. Но этого явно мало. В разных частях города появятся новые «зеленые пятна»: парк у Новодевичьего монастыря, Измайловский бульвар, сквер на Кропоткинской набережной, сад на Песчаных улицах. Поднимается заложенный в дни фестиваля «Парк дружбы». Намечено создать обширный парк на Поклонной горе с монументом в память Великой Отечественной войны.

В наших планах озеленение Садового кольца. По обеим сторонам магистрали протянутся бульвары. Здесь высадят сотни взрослых деревьев, тысячи кустарников.

Одной из наиболее почетных и ответственных работ советских строителей мы считаем проектирование и сооружение Дворца Советов и памятника Владимиру Ильичу Ленину на юго-западе. Сотни архитекторов, скульпторов, художников во многих городах вдохновенно трудились над конкурсными проектами Дворца и памятника. Союз архитекторов СССР получил со всех концов страны множество писем и пожеланий трудящихся по поводу будущих величественных сооружений. И любое такое письмо отражает горячие патриотические чувства советских людей.

Работа участников конкурсов подходит к концу. Мы уверены, что объединенными усилиями зодчих, ваятелей, конструкторов Москва получит Дворец Советов и памятник В. И. Ленину, достойные великой эпохи созидания коммунистического общества.

Этот макет показывает, каким будет один из кварталов Шереметевской магистрали.

Вчера — мечта

СЕГОДНЯ — ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Новый год... Что принесет он? По установившейся традиции со страниц новогодних номеров газет и журналов советские люди смело заглядывают в далекое будущее, мечтают, фантазируют.

Мы посмотрели такие новогодние номера за прошлые годы. О чем мечтали тогда советские ученые? Не стали ли их недавние мечты явью значительно раньше, чем это можно было тогда предположить?

Предоставим им слово. Вот что они рассказали нашим корреспондентам.

Поселок «Мирный». После урагана.

Фото А. Кочеткова.

К ПОЛЮСУ НЕДОСТУПНОСТИ!

Академик Д. ЩЕРБАКОВ

«...Оставив за кормой тысячи миль бурных морей, наши корабли во главе с мощными электродизельными ледоколами пробиваются сквозь льды южных полярных морей к берегам Антарктиды...»

Д. Щербаков

«Огонек» 1955 год, № 1.

Понадобился всего лишь год, чтобы предполагаемое стало действительным: на рассвете 5 января 1956 года участники первой советской антарктической экспедиции с палубы «Оби» увидели ледяные обрывы...

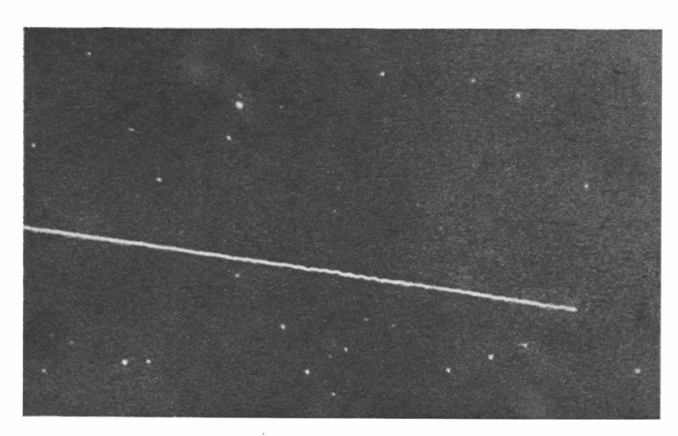
С тех пор прошло два года. Четыре советских корабля: «Обь», «Лена», «Кооперация» и рефрижератор № 7 — совершили несколько рейсов, доставив в Антарктиду машины и самолеты, сборные дома и аппаратуру, продовольствие и почту. За это время на материке побывало около тысячи человек — ученые, моряки, рабочие. На берегу основана большая научная обсерватория «Мирный», голос которой слышат многие радиостанции земного шара. В тысяче примерно километрах от берега расположилась станция «Пионерская».

Антарктида постепенно становится все более обжитой. Поздней осенью 1957 года тут была открыта еще одна станция, «Комсомольская». А совсем недавно отряд зимовщиков, возглавляемый начальником экспедиции Героем Социалистического Труда Алексеем Трешниковым, в страшные морозы, пургу и сильные ветры достиг района геомагнитного полюса.

Перед исследователями стоит в дальнейшем задача проникнуть к полюсу недоступности. Так называется район, расположенный в самом центре Антарктиды, на высоте около 4 тысяч метров над уровнем моря. Там еще никогда не ступала нога человека. В этой безжизненной пустыне льда и снега будет создана станция «Советская». Исследования, которые будут вестись здесь, позволят определить, как влияют ледяные поля материка на климатические и метеорологические условия всего южного полушария. Но материк ли Антарктида? Осуществленные наблюдения над глубиной залегания льда дают основания полагать, что она представляет собой архипелаг островов.

Рядом с советскими флагами на Антарктиде развеваются флаги еще двенадцати стран. В частности, на Южном полюсе работают американские ученые. В дальнейшем исследователи обменяются результатами наблюдений, которые ведутся по единой программе Международного геофизического года.

Далекий и таинственный материк стал грандиозной научно - исследовательской «сухопутной» лабораторией Земли.

Снимок траектории ракеты-носителя первого спутника, сделанный 11 октября Морисом Алланом (Англия).

Островок летает

Профессор В. ДОБРОНРАВОВ

«Наша цель пока не Луна, а искусственный спутник Земли — металлический островок, мчащийся на высоте трехсот километров над Землей...»

В. Добронравов

«Комсомольская правда» от 1 января 1954 года.

Просматривая свою статью в первом номере «Комсомольской правды» за 1954 год под названием «В ракете на Луну», я испытываю чувства, с трудом поддающиеся описанию. Действительно, кто бы мог предположить тогда, что всего только через три года девять месяцев в Советском Союзе впервые будут созданы космические, мчащиеся вокруг Земли летательные аппараты! И один из них представит собой целую научную лабораторию, маленький космический островок, летающий вокруг Земли на расстоянии не 300, а в среднем 1 500 километров от нее! Появление такого островка доказывает, что в недалеком будущем могут быть сооружены из отдельных спутников и крупные летающие вокруг Земли космические станции.

Даже в начале минувшего года мало кто знал, что в ноябре будет принципиально решена важнейшая проблема в области освоения человеком космоса — проблема невесомости для живого организма. До последних дней продолжались споры между медиками и биологами о возможности существования человека в условиях невесомости. И вот собака Лайка оказала науке неоценимую услугу: благодаря ей выяснилось, что живой организм может длительное время находиться в состоянии невесомости. Отпала, таким образом, необходимость создания для пилотов и пассажиров будущих космических кораблей искусственной тяжести. Лайка помогла выяснить и другую биологическую проблему — проблему выдерживания организмом инерционных перегрузок на переходной траектории ракеты, когда она движется с большим ускорением.

Запуск второго спутника показал: советская наука и техника обладают столь мощными двигателями, что вполне возможно в недалеком будущем достичь Луны.

Запуск спутников обогатил науку интересными и многообещающими фактами. Вот, например, подвесные антенны первого спутника; они находились сначала в свернутом состоянии, а потом раздвинулись и заняли окончательное положение. Такое устройство можно считать прообразом посадочных ног-штативов космического корабля, необходимых при посадке на Луну, Марс и другие планеты.

Блестящий экзамен выдержали радиоэлектроника, автоматика, вычислительная техника, при помощи которых спутник был точно выведен на орбиту и с ним поддерживалась связь.

Сильно развилась радиоастрономия, так необходимая для космической навигации. Все это вселяет уверенность, что близок день, когда появятся управляемые и возвращаемые на Землю спутники — спутники, пилотируемые человеком. Сегодня это еще мечта, но завтра она уже может стать действительностью. Ведь три года назад тоже казался мечтой, фантастикой металлический островок, летящий над Землей...

КРЫМ, ПРИБАЛТИКА, ЗАПОЛЯРЬЕ...

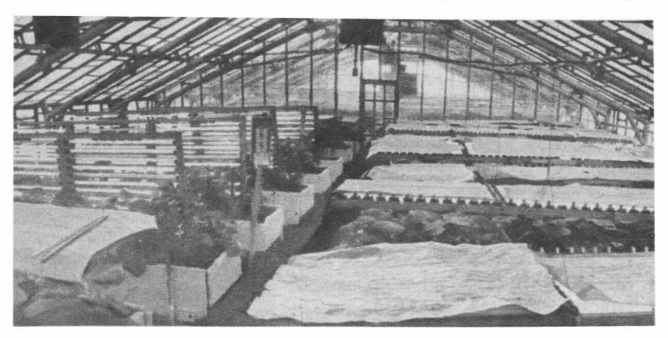
Ю. РАКИТИН,
доктор биологических наук

«Фабрика свежих овощей не знает простоев, она работает круглый год...»

Ю. Ракитин

«Огонек». 1955 год. № 1.

Овощи круглый год... Мы постепенно привыкаем к этому. И если на вашем новогоднем столе стоит сегодня свежий весенний салат из зеленого лука, редиса, огурцов и даже помидоров, то он принимается как должное. Некоторые химические вещества, так называемые стимуляторы роста, искусственный свет, о широком применении которых я мечтал еще два года назад, ныне превращают наши теплицы в «круглогодичные» фабрики овощей.

В теплице Марфино в декабре.

Фото Б. Кузьмина.

В самом деле, еще совсем недавно люминесцентные лампы дневного света можно было встретить только в опытных, научно-исследовательских хозяйствах. Теперь они из лабораторий перешли в совхозы и колхозы. Поезжайте в Марфино, известное подмосковное хозяйство. Когда заходишь в освещенные ярким светом оранжереи и теплицы, в которых зреют помидоры, то не верится, что на улице январские морозы. Так стирается представление о сезонности наших овощей. Сейчас таких теплиц много, есть они даже и в Заполярье.

Еще шире стали применяться стимуляторы роста. Они завоевали большую популярность, и теперь их легко приобрести в магазинах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Отрадно, что наша химическая промышленность освоила наконец их выпуск. Если раньше об использовании стимуляторов было известно только в немногих центральных районах нашей страны, то сейчас они проникли повсюду. Эти вещества, благотворно действующие на развитие молодых растений, вошли в «рацион» помидоров, выращиваемых в Харьковской, Горьковской, Челябинской областях, в Прибалтике, Заполярье. Даже среднеазиатские республики и Крым, где, казалось бы, достаточно солнца и тепла, не обходятся без них. Еще бы! При их содействии в открытом грунте урожай овощей увеличивается почти на пятьдесят процентов. А если они выращиваются в теплицах, то и еще больше: в полтора — два раза.

Минувший год в нашем институте ознаменовался интересными опытами с гибберилиновой кислотой. Она необыкновенно сильно стимулирует рост. Обычный табак вытягивается до трех — четырех с половиной метров в высоту. Трудно даже представить, что произойдет с кукурузой, если ее подвергнуть воздействию гибберилина. А насколько увеличатся урожаи льна, конопли, луговых трав!

ГОД ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

Мао ДУНЬ,
китайский писатель

Дорогие друзья! Пройдет еще день — другой, и кончится старый, 1957 год. Но так много большого и важного произошло именно в этом году, что можно сказать: он уходит в прошлое только в астрономическом смысле, отклики же этих событий будут еще долго звучать для народов всего мира.

Невозможно перечислить все важное, что произошло в минувшем году. Я упомяну лишь о самом выдающемся.

Во-первых, сорокалетие Октября. Советский Союз пришел к этой славной дате в ореоле величайших успехов.

В дни празднования Октября произошли два события, которые станут вехами в летописи истории народов мира. В Москве собрались и братски обменялись мнениями посланцы коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Затем они совещались вместе с представителями коммунистических и рабочих партий стран капитализма. Документы, принятые на этих двух Совещаниях, сыграют невиданную роль в мобилизации всех народов на дело защиты мира. Эти два документа освещают путь наступающему, 1958 году.

В самом начале я сказал, что 1957 год кончается только в астрономическом смысле, а теперь думаю: правильно ли это? Ведь именно в этом году произошло событие, которое открывает новую эру в астрономии и астронавтике. Начало этой эре положил запуск советских искусственных спутников Земли — великий подвиг советской науки и техники, удививший и восхитивший весь мир. Спутники показали, какие огромные задачи, еще недавно жившие только в мечтах людей, может решать наука, расцветающая в стране социализма.

Ваша великая страна сейчас находится в периоде перехода от социализма к коммунизму. Жизнь советского народа с каждым днем становится все лучше и лучше. Всего только год я не был в Москве. Раньше, подъезжая к Москве из Внукова, я всегда любовался величественным зданием университета на Ленинских горах. На этот раз увидел выросший вокруг город — десятки огромных корпусов жилых домов. Мне объяснили, что это строится новый жилой район столицы. И, право же, я совсем не горевал, что новые здания уже мешают любоваться с шоссе стройными башнями университета.

Многое, что свершилось в прошедшем году, еще раз ясно показало народам мира, что социалистический строй выше капиталистического, что в мирном соревновании социалистическому строю обеспечена победа. В этом году очень много говорят о небесных телах — планетах, звездах, спутниках; я скажу, что капиталистический строй — это заходящее светило, социалистический же — восходящее. Все разумные, миролюбивые люди понимают это.

Но, конечно, существует еще империалистическая клика поджигателей войны. Они никак не хотят признать свое неизбежное поражение. Они напрягают все усилия, чтобы взять реванш. Для этого они готовят войну, провоцируют конфликты в разных уголках земного шара, усиливают гонку вооружений. Но все выше и выше поднимается стена сплоченности стран социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, ширится братство миролюбивых людей всех стран. Империалисты бряцают оружием, они играют с огнем. Но если они развяжут новую войну, она будет последней войной в истории капитализма, рождающего войны. Капитализм будет разбит наголову.

Китайский народ сейчас строит социализм. В этом высоком деле мы получаем искреннюю, бескорыстную помощь Советского Союза. Китайский народ соединен с советским народом крепчайшими узами дружбы. Мы бережем эту дружбу, как свои глаза.

Я очень счастлив, что могу сегодня через журнал «Огонек» выразить высокое уважение великому советскому народу. С большой радостью я поздравляю советских людей и желаю еще большего расцвета их народного хозяйства, науки, культуры, искусства.

С Новым годом, дорогие друзья!

1958-й!

Анатолий КУДРЕЙКО

Ель зеленая увита
золотой тесьмой...
На конце секундной стрелки —
пятьдесят восьмой!
Дом от шумного веселья
ходит ходуном...
Трасса Нового Арбата
блещет за окном.
Нам известна поговорка
неизвестных лет:
«Под счастливою звездою
родился на свет!»
Заявляю про московский
молодой район:
Он под спутником счастливым
был на свет рожден!..
Я от частного примера
к общему иду:
хоть страна и не из малых,—
вся ведь на виду.
Снег,
да лес,
да степь,
да горы,
но летит везде
отсвет сварки,
отсвет плавки
от земли к звезде...
Богатейшее наследство
примет новый год!
Неистраченные силы
пустит время в ход
и богатств страны настолько
увеличит счет,
что и новый год заслужит
славу и почет!
Тост за это поднимаю,
вся моя земля!..
Бой курантов замирает
в звоне хрусталя...

В эту ночь

Степан ЩИПАЧЕВ

Я по морозной улице брожу;
Забыв, какая на дворе погода,
В лицо холодной вечности гляжу
Уже из пятьдесят восьмого года.

Брожу, поземкой поздней запылен,
Нетвердым шагом часто споря с нею.
Мне в эту ночь яснее даль времен,
Мысль о потомках в эту ночь яснее.

Пускай завидуют моей судьбе,
Моей стране, где алым плещет знамя.
Мы думаем не только о себе,
Но и о тех, кто в мир придет за нами.

У нас по горло малых и больших
Вседневных дел, и мудрость жизни в этом,
Но если бы не звал мечтой мой стих,
Не смел бы я считать себя поэтом.

Песня счастья

Генрик ТУМАНЯН

Видишь, Армения, край мой родной,
Как в новогоднюю снежную полночь
Переливается пламень цветной
В звонких бокалах, доверху полных!

С братьями вместе, подняв свой бокал,
Громкою здравицей ты прославляешь
Труд и горение в полный накал,
Мира и счастья людям желаешь!

Год пролетел. На́ год старше и мы.
Что он для вечности? Миг! Но послушай:
Сколько дорог от зимы до зимы
Пройдено по́ морю, небу и суше!

Сколько полей расцвело, словно сад,
Сколько сияет огней за лесами!..
Ты обернись на мгновенье назад:
Борозды счастья вспахали мы сами.

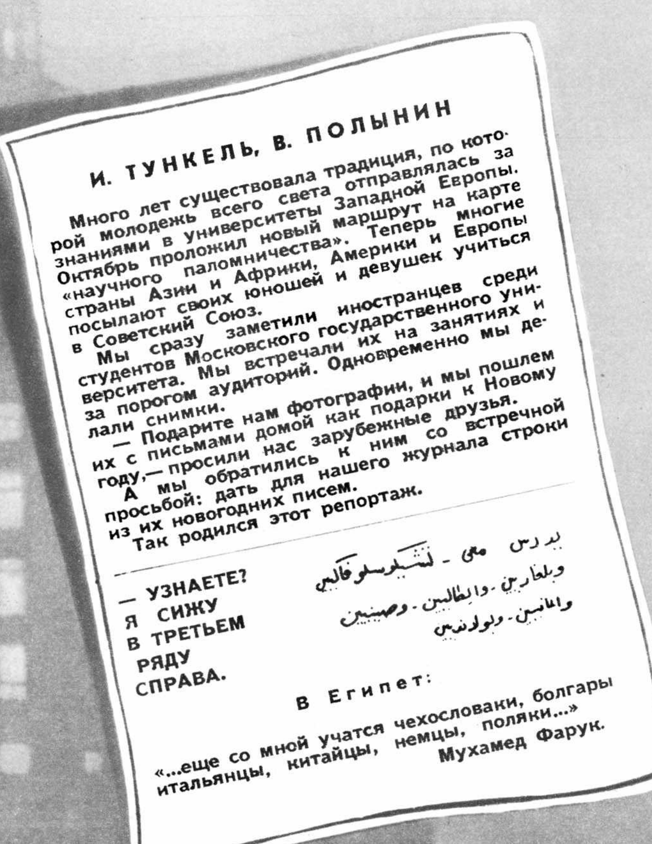
Видишь ты Мира великий поход?
Через Москву он идет, словно праздник.
Слышишь ты песню? То Дружба поет
На языках и наречиях разных...

Смотрит на нас в изумлении свет:
Сколько мы тайн вековых разгадали!
Славлю полет наших новых планет,
Путь прочертивших в космической дали!..

...Вижу над снежным простором зарю...
Порозовели и окна и крыши...
Вот оно — счастье! И я говорю:
— Выше бокалы, товарищи, выше!

Ереван.

Перевела с армянского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА.

И. ТУНКЕЛЬ, В. ПОЛЫНИН

Много лет существовала традиция, по которой молодежь всего света отправлялась за знаниями в университеты Западной Европы. Октябрь проложил новый маршрут на карте «научного паломничества». Теперь многие страны Азии и Африки, Америки и Европы посылают своих юношей и девушек учиться в Советский Союз.

Мы сразу заметили иностранцев среди студентов Московского государственного университета. Мы встречали их на занятиях и за порогом аудиторий. Одновременно мы делали снимки.

— Подарите нам фотографии, и мы пошлем их с письмами домой как подарки к Новому году,— просили нас зарубежные друзья.

А мы обратились к ним со встречной просьбой: дать для нашего журнала строки из их новогодних писем.

Так родился этот репортаж.

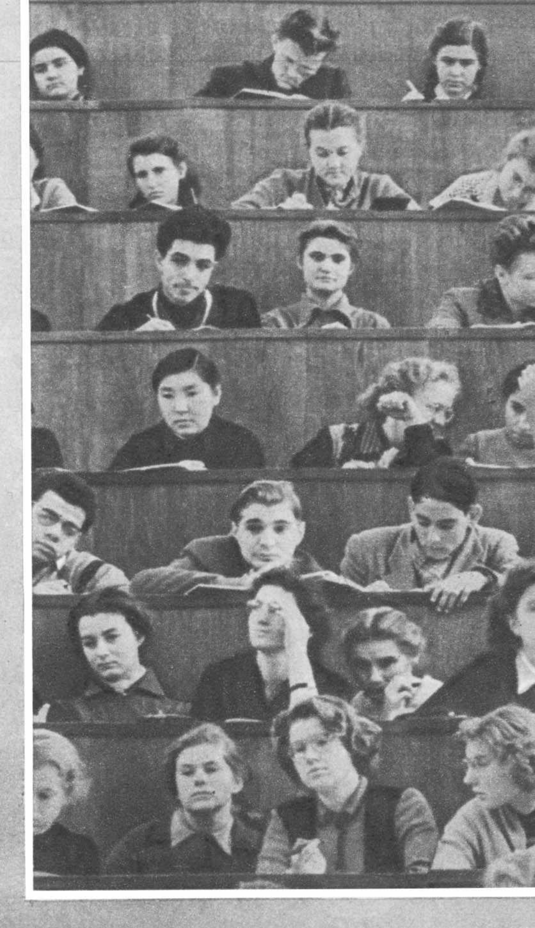
— УЗНАЕТЕ? Я СИЖУ В ТРЕТЬЕМ РЯДУ СПРАВА.

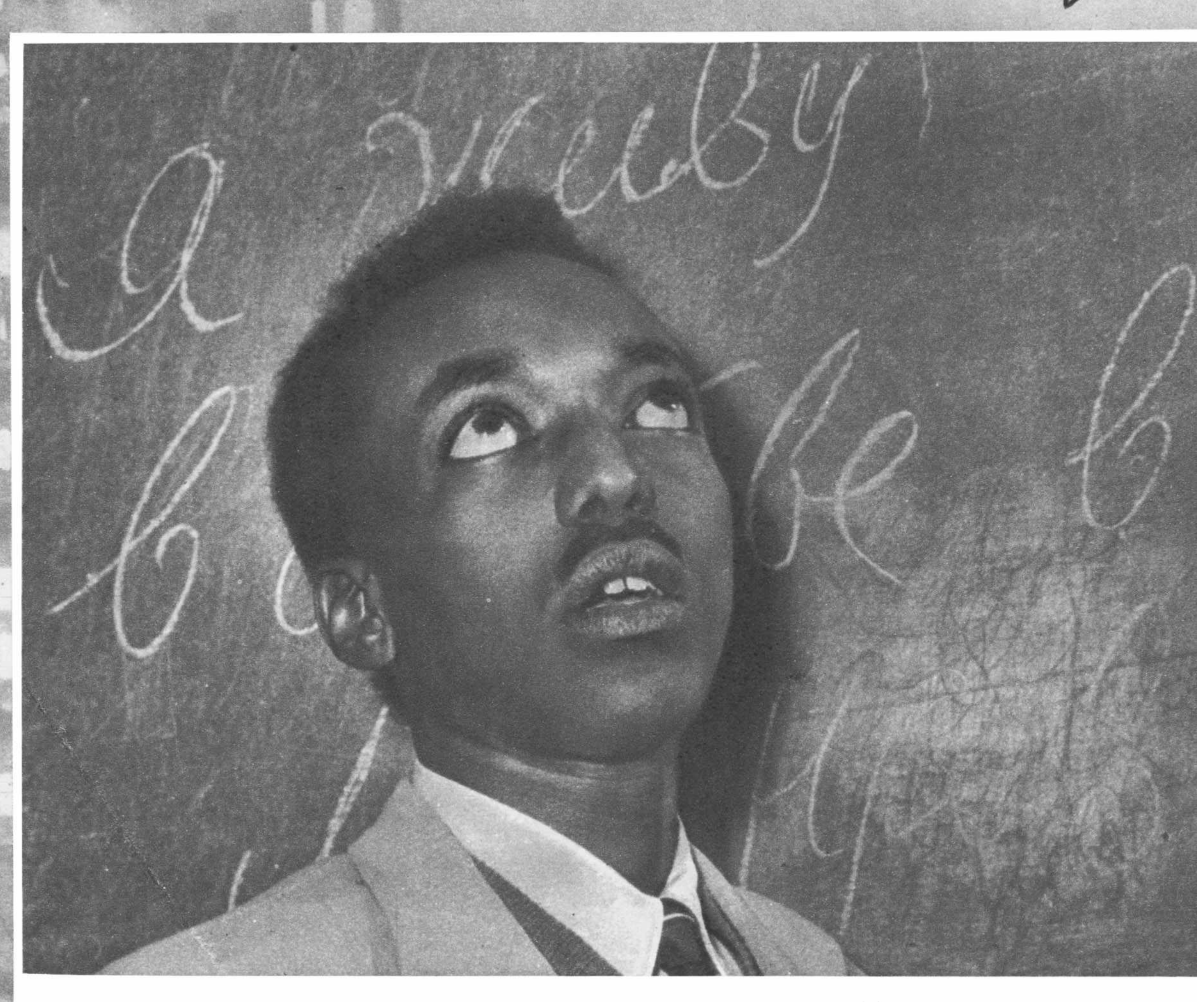
يدرس معي - لتشيكوسلوفاكيين
وبلغاريين - وايطاليين - وصينيين
والمانيين - وبولونيين

В Египет:

«...еще со мной учатся чехословаки, болгары итальянцы, китайцы, немцы, поляки...»
Мухамед Фарук.

Письма домой

— Я СПРЯГАЮ, ТЫ СПРЯГАЕШЬ, ОН...

والدي العزيز ووالدتي العزيزة
إني أهنئكم بالعام الجديد

В Судан:

«Дорогой отец и дорогая мать, поздравляю вас с Новым годом...»

Мухамед Хамед Салех Алмек.

Письма домой

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ФИЗИКОВ

在我们班内除了我外，还有来自越南的阮基烈来自捷克斯洛伐克的郭查在一起学习着。

В Китай:

«...в одной группе со мной учатся Нгуен Ким Льет из Вьетнама (слева) и Виктор Гозза из Чехословакии...»
Лю Сун-линь.

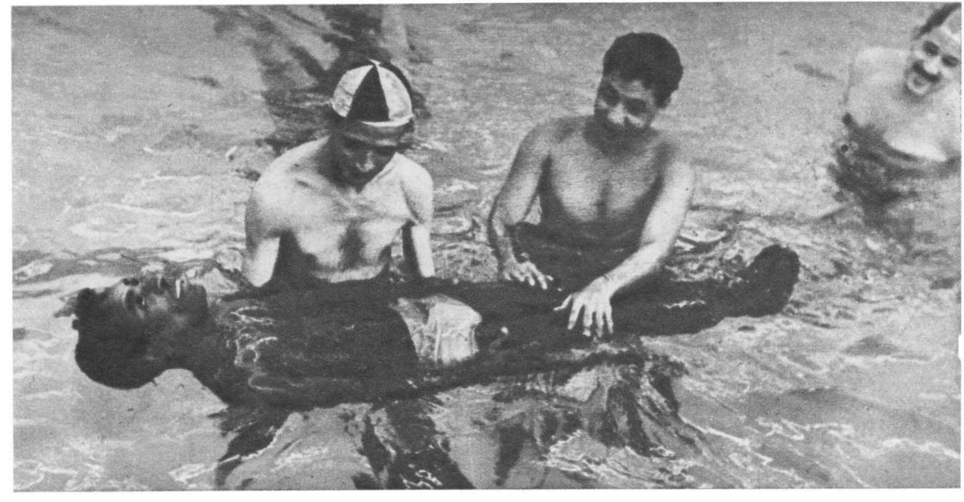

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Disszertációs munkámról beszámolót tartottam tudományos vezetőmnél, a Nóbel-díjas Szemjonov akadémikusnál.

В Венгрию:

«...в моей диссертационной работе я отчитываюсь моему научному руководителю лауреату Нобелевской премии академику Н. Н. Семенову».
Лайош Радич.

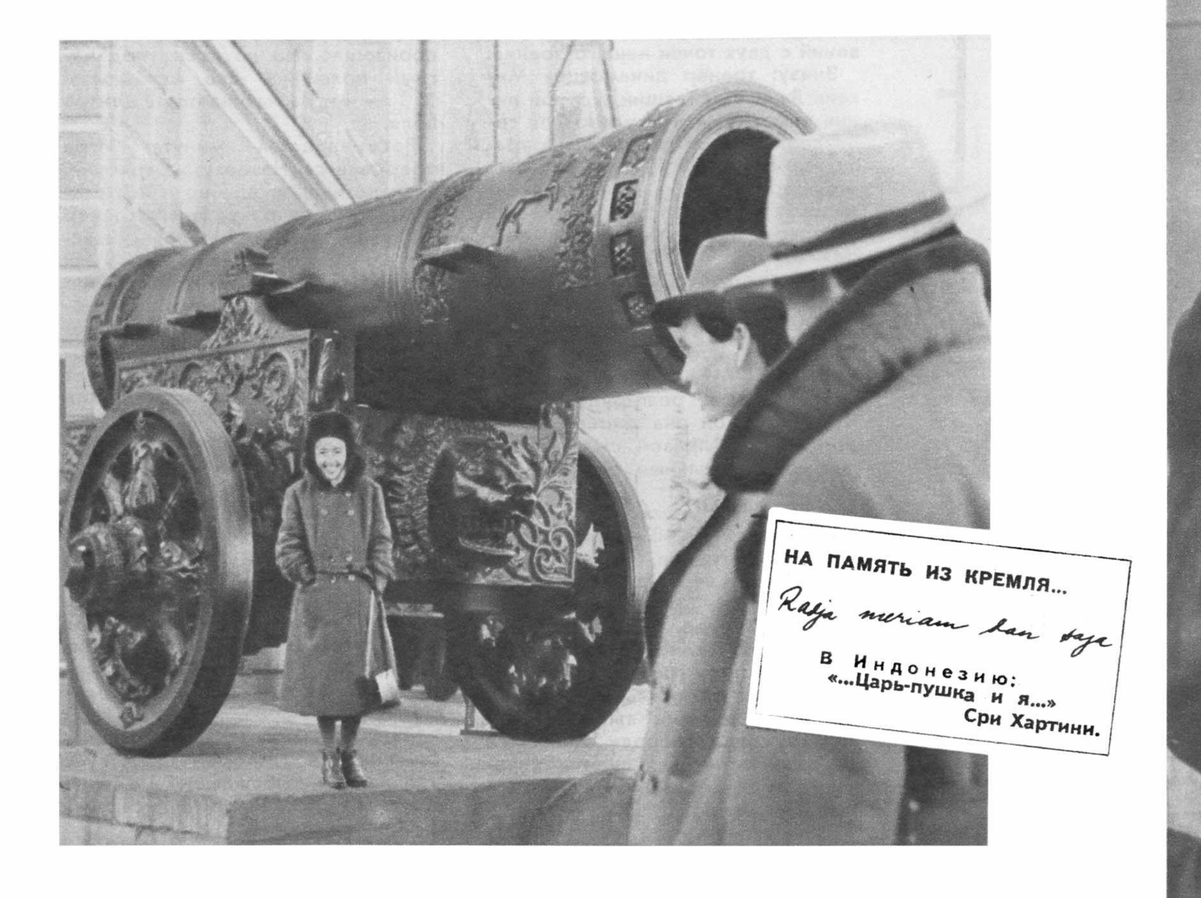
— НАИВНЫЕ ЛЮДИ! РАЗВЕ ТАК УЧАТ ПЛАВАТЬ?!— говорит афганцу мексиканец (крайний справа).

Yo estudio natación en la piscina de la Universidad de Moscú.

В Мексику:

«Я тоже учусь плавать в бассейне МГУ».
Франсиско Фернандес де ла Роса.

НА ПАМЯТЬ ИЗ КРЕМЛЯ...

Raja meriam dan saya

В Индонезию:
«...Царь-пушка и я...»
Сри Хартини.

ГАЛАНТНЫЙ КАВАЛЕР

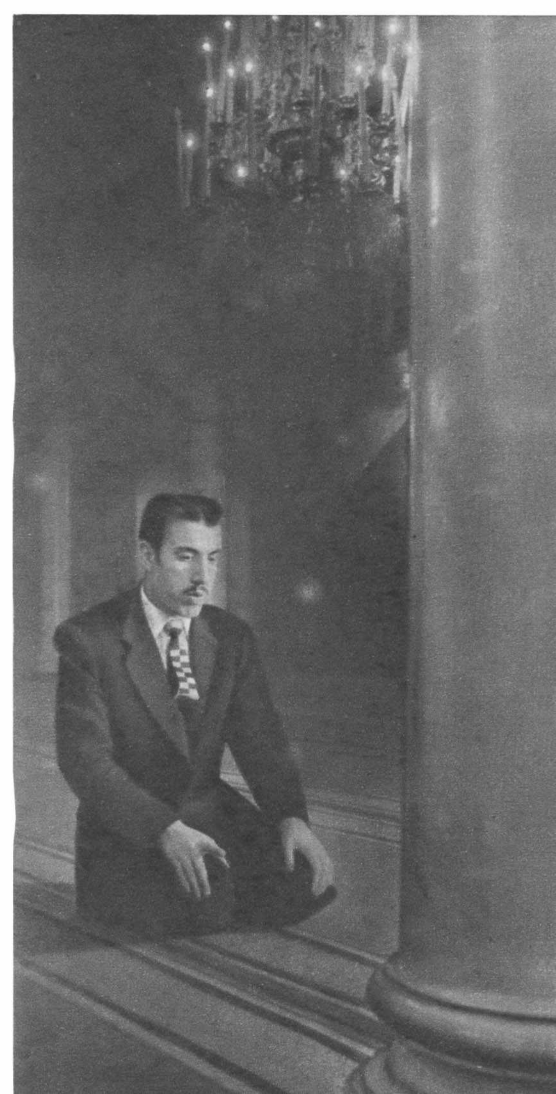
रशियन नृत्यकलेत पहिले पाऊल

В Индию:
«...мой первый урок русского танца...»
Мохан Парадкар.

В МОСКОВСКОЙ МЕЧЕТИ

В Сирию أمارس شعائري حينما أريد

«...я выполняю свои религиозные обряды, когда я хочу...»
Джафар Дэк Эль-Баб.

انا أحب الجليد

ПРИВЫКАЕМ! В Судан: «...мне нравится мороз...»
Ахмед Али Абдил Рахман.

ОТКРЫТИЕ

ФУТБОЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Константин **СИМОНОВ**,
Вадим **СИНЯВСКИЙ**

В Уругвай, в Монтевидео, прилетели из Рио-де-Жанейро. Позади осталась первая футбольная встреча в Бразилии с клубом «Васко да Гама». Нелегкая и потому, что встретились с сильным противником, и потому, что играли в непривычных условиях: в декабре стоит влажная жара (32 градуса в тени).

Не привыкли и к мгновенной перемене во времени (разница на 6 часов). Эта перемена не дает возможности нормально ни засыпать, ни пробуждаться. Между днем и ночью почти нет разницы: так же жарко, влажно и душно.

А в общем, все это сейчас позади: и первый матч на американском континенте, и объятия, поцелуи и аплодисменты, и непривычное по нашему зимнему времени обилие цветов в комнате, таких пахучих, что потом от них болела голова.

В прошлое ушел и ничейный счет (1 : 1), обоюдно обидный и для нас и для наших противников, как и мы, рвавшихся к победе.

Позади, наконец, осталась и дружеская встреча после матча на водной станции клуба «Васко да Гама», где наш Борис Кузнецов плясал «Цыганочку», один из авторов этой корреспонденции (а точнее — Вадим Синявский) сидел за роялем, а нападающий бразильской команды (он же автор гола в наши ворота) Альмир танцевал ошеломительный по темпу и темпераменту бразильский танец.

В тот же день — 11 декабря — в восемь часов пополудни (в 2 часа ночи 12 декабря по московскому времени) мы под лучами заходящего и достаточно теплого солнца едем на стадион «Сентарио», что в переводе значит «Стотысячный».

Это название, по свидетельству уругвайцев, оправдывает себя далеко не всегда, но сегодня оно настолько оправдано, что даже полицейские готовы пожаловаться на отсутствие места.

Как рассказать об этом матче? Давайте сделаем вид, что мы еще не знаем его результата.

В этот момент мы расходимся. Один из нас выходит на поле вместе с командой, встречаемый грохотом аплодисментов, а другой садится на трибуне, имея со всех четырех сторон уругвайских болельщиков.

Свисток судьи, и мы не видим ни торжественной минуты обмена вымпелами, ни розыгрыша ворот, — мы видим только вдруг вынырнувших из толпы людей с букетиками, букетами, букетищами, корзинами цветов, которые затем положены и поставлены за боевой линией поля.

Свисток уругвайского судьи Марио Эстебан (кстати сказать, отлично судившего весь матч), зрители наконец садятся, и мы видим поле.

Будем вести наш репортаж с двух точек.

Первая точка: у самой боевой линии близ ворот, на траве, в темпераментном окружении запасных игроков.

Вторая точка: тринадцатый ряд центральной трибуны, тоже в достаточно темпераментном окружении уругвайцев, имевших возможность уплатить за свои места солидные деньги.

Нас разъединяют забетонированный ров и колючая проволока, которыми огорожено футбольное поле во избежание излишне близких контактов публики с судьей и игроками.

Однако мяч уже в игре!

Первая минута — первый угловой у ворот команды «Насьональ». За ним следуют еще восемь подач с угла поля, которые, однако, не приносят успеха.

Под часами по-прежнему 0 : 0.

Все атаки динамовцев разбиваются о виртуозную защиту уругвайцев, которые атакуют редко, но каждый раз остро, опасно, темпераментно. Но вот одна из уругвайских атак заканчивается стремительным голом в наши ворота.

Дадим стенограмму этих мгновений с двух точек нашего зрения.

Внизу: тренер динамовцев Михаил Якушин, сидящий у самой линии ворот (уже незаметно для себя сползший со скамейки на траву), кричал: «Назад! Не отпускай его, держи, не давай бить!» А сидящие рядом запасные кричали ласково-уменьшительно, как добрая няня: «Юренька, спокойно! Володенька, хорошо!»,— хотя именно в эту секунду Володенька как раз сыграл совсем нехорошо!

Вверху на трибуне: уругвайцы ведут себя бурно. Сидящая рядом со мной дама реагирует обеими руками: левой она хватает за локоть мужа, а правой, сжатой в кулак, в решительные минуты ударяет меня в бок.

Однако моменты, в которых проявляется индивидуальное мастерство игроков, оцениваются объективно, независимо от цвета майки.

И вдруг удар, гол в наши ворота! Весь стадион вспыхивает и кричит, долго, громко, страстно. Вскакивают с мест сразу, как по команде, десятки тысяч людей справа, слева, спереди, сзади — и ты один остаешься сидеть, ничего не видя за заслонившими поле спинами.

Ты справедливо оцениваешь этот гол, он честно заработан, но у тебя нет никаких причин торжествовать вместе со своими соседями-уругвайцами. Честное слово, наверное, нет острей одиночества, чем одиночество человека, «болеющего» за своих, среди тысяч людей, «болеющих» против тебя и твоей команды!

Спины опускаются — мяч снова в игре.

На душе тревожно. Первый гол воодушевил уругвайцев, они играют с огромным напором. Иногда кажется, что вот-вот еще один мяч влетит в наши ворота. Мы с нетерпением ждем свистка — конца первой половины игры, — и нам обоим (и на поле и на трибуне) кажется, что с таким же нетерпением ждут этого свистка и наши игроки: они хотят успокоиться, прийти в себя, собраться с силами.

А стадион ликует. Преимущество своей команды зрителям кажется уже безусловным.

Свисток. Уругвайская команда уходит с поля при громких овациях всего стадиона.

Перерыв. Раздевалка. Первые минуты все молчат. Отдыхают, меняют майки, у кого-то в бутсе вылез гвоздь, и его забивают, не переговариваются, полная тишина.

Наконец слово берет тренер. Резко, но спокойно говорит об ошибках, но долго на них не задерживается и намечает план игры.

— 1 : 0 — это еще не поражение,— говорит он.— Впереди 45 минут, и мы можем сделать втрое больше!..

С этим напутствием команда выходит на поле. Стадион, ожидавший, что его команда закрепит победу, вдруг становится свидетелем стремительных, почти молниеносных атак «Динамо», следующих без передышки одна за другой!

Вскоре защитник Б. Кузнецов с добрых тридцати метров забивает первый гол. Это происходит так неожиданно, что на стадионе раздается только короткий хриплый вздох.

Зрители не успели понять, что произошло. Но на доске под часами появились две единицы — 1 : 1, — и игра начинается с центра поля.

Восемнадцатая минута. Игра прерывается. Наверху, на трибуне, соседка непроизвольно и испуганно хватает за руку. Внизу тренер М. Якушин бежит на поле — к месту происшествия.

У нападающего «Динамо» А. Мамыкина повреждена нога. Его уносят с поля, и в команде появляется запасной игрок Анатолий Коршунов, которому в его 18 лет впервые выпала честь защищать спортивные цвета «Динамо» в международном матче.

Молодые ребята в полосатых красно-белых майках, подающие мячи из-за пределов поля, его ровесники или почти ровесники, успевшие познакомиться с ним, когда он лежал на траве как запасной, сейчас сочувствуют ему, готовы «болеть» за него, хотя они уругвайцы, а он русский. Видимо, тут сказывается солидарность молодости — великая солидарность!

Еще две минуты, и после комбинации, в которой участвует только что выбежавший на поле Коршунов, Владимир Рыжкин забивает второй гол.

Доска переворачивается. Теперь на ней цифры: 2 : 1 — ведет «Динамо».

На трибунах начинают понимать, что инициатива у москвичей, и каждая их стремительная атака (а темп игры очень высок!) заставляет зрителей вставать с места, охать, хватать соседа за колено или звонко бить ладонью по спине.

Стрелка секундомера неумолимо движется к финишу.

Уругвайцы понимают, что угроза поражения нависла над ними. Игра приобретает «колкий» характер.

Защитник «Насьоналя» в невероятном прыжке сбивает нашего нападающего с ног. Стадион ахает. Вспыхивают тысячи огоньков зажигалок. Люди нервничают: что будет?

Судья неумолим и справедлив: штрафной удар. Якушин сует в рот папиросу не тем концом... 30-секундная пауза. Ю. Войнов ставит мяч на белое пятнышко в одиннадцати метрах от ворот. На трибунах мертвая тишина. Свисток судьи заставляет всех вздрогнуть. Соседка на трибуне впивается пальцами в плечо. Толстяк тяжело дышит.

Войнов очень медленно подходит к мячу.

— Юра! — кричит кто-то, и... 3 : 1.

Матч окончен. Один из нас спокойно вместе с футболистами проходит с поля в раздевалку. Другой вместе с нашим посланником пытается пройти туда же с трибун... Но... это невозможно. Полиция стоит неприступной стеной.

— Здесь даже не может пройти президент! — говорит полицейский.

...Жаркое летнее солнце встретило нас утром. Громадная река Рио-де-Лаплата ополоснула ребят после зарядки. А потом наш доктор поехал в госпиталь и привез в гостиницу Мамыкина. Его комната была в цветах. Ребята долго сидели у него, смеялись.

Футбольную Америку эти ребята открыли.

Монтевидео, Уругвай.

А. П. Бубнов. ЛЕТО.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

А. А. Пластов. КОГДА НА ЗЕМЛЕ МИР.

«Огонек».

М. Ф. Володин. КОНЦЕРТ НА СТРОЙКЕ.

Нурбек Тансыкбаев. ВЫСОКОГОРНЫЙ КАТОК.

Лучшая роль

Рассказ

Из цикла «Далекие друзья»

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки А. ВАСИНА.

Рим нам показывал наш друг, итальянский артист, человек у себя на родине столь знаменитый, что ходить с ним по городу было даже затруднительно. Прохожие то и дело узнавали его, оглядывались, останавливались. Стоило ненадолго задержаться среди руин древнего Форума, как откуда-то из-за заросших травой и мхом колонн вдруг возникала целая стайка тощеньких, смуглых, черноокких девиц. Отчаянно перешептываясь, они двинулись за нами, пожирая нашего спутника любопытными взглядами. Шофер такси после расчета потребовал у него автограф. Торговец, что продавал в тени Колизея жареный миндаль, вручив ему пакетик своего нехитрого лакомства, вдруг отвел руки назад: нет-нет, не надо денег. Он, конечно, человек небогатый, мясо его семья видит лишь в праздники, но все-таки он может себе позволить удовольствие угостить любимого артиста.

К этой своей славе наш собеседник, должно быть, давно уже привык. С заученной приветливостью отвечал он на поклоны незнакомых людей, очаровательная улыбка как бы сама собой зажигалась и гасла на его лице, рука его механически выводила какую-то сложную загогулину в записных книжках, на визитных карточках, на папиросных коробках, которые ему подставляли. А глаза, выпуклые, черные, очень блестящие, глаза, так часто глядевшие с театральных афиш, сохраняли при этом свое обычное, задумчиво-грустное выражение.

Он был невысок, худощав. Только глаза и были у него по-настоящему красивы. Лицо же, необычайно белое для итальянца, казалось собранным по частям: высокий шишковатый лоб нависал над ястребиным носом, резко очерченный рот был великоват, скулы сильно выдавались. Но все эти черты, казалось бы, совсем не подходившие одна к другой, вместе составляли лицо столь выразительное, что артист, выступая всегда почти без грима, с одинаковым успехом играл и комические, и характерные, и героические роли.

Заключительную часть нашей экскурсии артист убедил нас проделать в одном из тех черных старинных фаэтонов, которые в Риме сохраняются и до сих пор специально для туристов, падких на экзотику. Пожилой возница с пышными угольными усами, сидя на облучке, щелкал бичом, лошадь выступала с неторопливой торжественностью, вполне современный спидометр считал километры, а спутник наш, окончательно развеселившись, поочередно изображал, как осматривают итальянскую столицу в таких вот фаэтонах богатые американские туристы, путешествующая английская семья, подгулявшие французы и, наконец, католические паломники из Западной Германии.

Лицо его становилось то пренебрежительно-самодовольным, дышащим тупостью и скукой, то застывало в ледяной чопорности, то загоралось забубенным весельем, то вдруг наливалось какой-то чугунной, деловитой набожностью. Просто поражаться можно было, как быстро и неузнаваемо умел перевоплощаться этот немолодой уже человек. И мы шумно поражались, а он хохотал, как мальчишка, но глаза его оставались серьезны и сохраняли все то же задумчиво-грустное выражение.

— А как выглядят советские туристы?

— Ну, вы все пай-мальчики, вы никогда не берете этих дурацких фаэтонов... А впрочем...

Он снова совершил одно из своих преображений, взлохматил, бросил на лоб волосы, с мальчишеским любопытством начал оглядываться кругом и тут же с откровенной жадностью стал водить пальцем словно бы по бумаге, от вящей старательности даже высунув кончик языка. В этой колючей карикатуре сразу же угадался один из нас. Но смеяться было некогда. Фаэтон остановился на тихой улице, у калитки, проделанной в зеленой садовой решетке, через которую, как молоко, убегающее из кастрюльки, валили на улицу клубы каких-то пышных белых цветов.

Наш спутник отпер калитку. В глубине садика, отгородившись от улицы бруствером из зелени, стоял небольшой особняк, до самой крыши оплетенный диким виноградом. Домик в этом зеленом чехле выглядел своеобразно, но когда мы вошли в него и, миновав маленькую прихожую, попали в зальцу, нам показалось, будто мы не раз уже тут бывали. Это ощущение пришло, вероятно, оттого, что жилища артистов всех стран, несмотря на различие вкусов, все-таки похожи одно на другое. Бесконечные портреты хозяина в разных ролях, афиши с надписями товарищей, пыльные венки, фото знаменитостей с посвящениями на лицевой стороне. Все это не раз видано в других местах. Те же вороха альбомов, бюваров, папок, ларцев с дарственными надписями, с гравированными табличками и всяческих других сувениров, поднесенных людьми разных достатков, разных вкусов. Маленький дом был так густо начинен всем этим, что в нем и повернуться было трудно, не опрокинув какую-нибудь вазу, не стряхнув на себя пыль с лаврового венка.

— Сто ролей, — сказал хозяин, обводя рукой все эти свои сокровища и точно бы оправдываясь.

— Сто ролей?! — в один голос удивились мы.

— Чтобы быть точным — сто две. Сто третью репетирую сейчас.

— И какая же ваша любимая?

— Хорошая мать любит всех детей. Каждого по-своему, — дипломатично ответил хозяин.

— Но ведь среди детей всегда есть сын или дочь, которые наиболее оправдали ожидания родителей.

— Ожидания? Мне кажется, что самые большие радости доставляют родителям именно те дети, на которых заранее не возлагается больших надежд. Что же касается театральных ролей, то это уже точно.

Он усмехнулся. В глазах его на миг мелькнуло что-то такое мальчишеское, что заставило подумать: полно, да правда ли, что этот человек уже отпраздновал свое шестидесятилетие? Расставив перед нами стаканы и разливая душистый вермут, хозяин вдруг признался:

— Я и приволок вас в свою нору, чтобы тут рассказать вам о лучшей своей роли. Точнее, чтобы показать вам свидетельство моей гениальности... Нет, нет, вам правильно перевели, я так и сказал. Ведь говорят же, что любому, даже среднему актеру суждено раз в жизни сыграть гениально... Так вот, друзья, держу пари на любых условиях, что ни один из вас не догадается, что это была за роль!

Видя, что он затеял какую-то игру, мы, перебивая друг друга, назвали несколько ролей из классических и современных популярных пьес, в которых он был занят. Он, посмеиваясь, качал головой: нет-нет, опять нет, конечно же, нет.

— Бесполезно. Вы не знаете этой роли и не можете ее знать, потому что пьесу написал я сам, шла она только один раз и то не до конца. Об этом спектакле не было ни одной рецензии. Но это, бесспорно, моя лучшая роль. Я получил за нее награду, которая стоит всех этих венков.

Он вышел в соседнюю комнату и вернулся

с любительской фотографией. На фотографии был снят невысокий человек в комбинезоне. На поясе висели две гранаты. В руках у этого человека был автомат. Из-под черного, низко надвинутого берета глядели выпуклые, грустно-задумчивые глаза.

— Роль партизана? — снова хором спросили мы.

Он отрицательно покачал головой. Живое лицо его как-то сразу потеряло свою подвижность и от этого постарело.

— Нет, в этой роли я выступал в жизни. Там, на севере Италии, в горах,— задумчиво сказал он.

— Вы были партизаном?

— Около года... Зимой нам пришлось очень туго... Вот тогда, в декабре, я и сыграл свою лучшую роль.

— В жизни?

— Нет, на сцене.

Он стоял, рассеянно вертя в руках фотографию, черты его совершенно застыли. Теперь было ясно, что все другие выражения этого лица, которые мы видели сегодня, были лишь быстро менявшимися масками. Настоящим же оно было теперь — немолодое, некрасивое, умное и даже, пожалуй, суровое.

— Я читал в книгах, что ваши партизаны любили снега. Зима для них была матерью. Для нас, южан, когда все кругом замерзло, а горы стали белыми, она оказалась злой мачехой. Люди обмораживались, болели бронхитом, воспалением легких. Даже самые храбрые, даже некоторые из коммунистов стали раздумывать: стоит ли держаться, не лучше ли рассыпаться, разойтись до весны? Командир нашего отряда тоже был коммунист. Он постоянно, в любую свою свободную минуту, старался по радио поймать Москву, а потом рассказывал нам новости с Восточного фронта. У вас тогда каждый день были хорошие новости. Но и это уже не действовало. Люди шатались от голода. По утрам им стоило большого труда разгибать опухшие члены. Вот командир однажды и пригласил меня к себе. Пригласил и сказал:

«Оставьте автомат и сдайте гранаты. У вас есть более мощное оружие — ваше искусство. Используйте его, чтобы вселять в ребят веру и бодрость. Это сейчас самое важное».

Что ж, он был прав. Искусство — действительно мое оружие. И вот там, в горах, я решил подготовить и поставить спектакль, который поднял бы дух у людей.

Чтобы быть до конца правдивым, я должен сказать, что не только слова командира привели меня к этой мысли. С нами была девушка. Наверно, это была самая юная партизанка из всех, какие сражались в наших горах. Дочь батрака с юга, почти неграмотная, но поразительное, просто бешено-талантливое существо. Когда она порою принималась плясать, петь или начинала по памяти декламировать стихи, даже самые толстокожие не могли оставаться равнодушными. И внешность у нее была прелестная: большеглазая, с пышными волнистыми волосами, тоненькая, гибкая, изящная. Звали ее Анита. Любуясь ею, когда она своими ловкими смуглыми руками чистила овощи, крошила лук, перебирала макароны, готовя для партизан пищу, или возилась у закопченного котла, или зашивала чью-нибудь шинель, я думал о том, что когда-нибудь она потрясет сердца со сцены. Она не была красавица. Нет. Но в ней, в этой крестьяночке с юга, отец которой погиб в нашем отряде в одной из первых схваток, чувствовалась та особая женская привлекательность, о которой мечтают все артистки на свете.

После разговора с командиром мне захотелось поставить пьесу, в которой эта бедная девочка смогла бы почувствовать свое сценическое призвание. И это должна была быть такая пьеса, чтоб, как бутылка доброго вина, бодрила голодных, усталых, больных людей, по утрам потрясавших своим кашлем замерзшие ущелья. Сидя у огня, я перебирал в уме образы юных патриоток, созданных мировой драматургией. Жанна д'Арк? Не годится. Гитлер позолотил ее статую в Париже. Электра? Нет, Электра Софокла для Аниты слишком уж рассудительна и риторична. Эврипидовская Ифигения? Прекрасный образ! Но как далеки страсти троянских войн для этих мужественных, суровых, храбрых ребят и как чужда эта дочь греческого царя прелестной итальянской батрачке! Словом, настоящая роль для Аниты еще не была написана, и я решил сам ее сочинить. Командир отряда черпал бодрость в героизме ваших солдат и партизан. Я решил сделать героиней своей будущей пьесы ту самую юную москвичку, подвиг которой потряс людей. Зоя! Разве придумаешь более сильную роль для девушки с такими данными, как наша Анита? Понемногу образ захватил и меня. Я, разумеется, не знал подробностей о подвиге Зои, но за несколько вечеров пьеса была готова. Собственно, это даже была и не пьеса, а трагический диалог между офицером войск «СС» и юной русской девушкой, диалог между ночью и утром... Но какой получился диалог!

Наш собеседник остановился посреди комнаты. Он весь сразу как-то напружинился, стал похож на кошку, приготовившуюся броситься на мышь, но почему-то боящуюся это сделать. Подвижное лицо его отразило странную смесь бешенства и бессилия, ярости и тоски. Мы думали, что вот сейчас он разразится страстным монологом, и тот из нас, кто говорил по-итальянски, уже придвинулся к нему, чтобы переводить. Но актер рассмеялся и опять стал самим собой.

— ...Ничего не получится. Чтобы возникла вольтова дуга, нужно свести полярно противоположные электроды. Без Аниты сцена не выйдет... В пьесе было всего три роли: Зоя, офицер войск «СС» и старуха-крестьянка. Роль русской крестьянки пришлось исполнять мужчине-партизану, по профессии цирковому клоуну. Эсэсовца, как вы догадались, — мне... Мы начали репетиции. Анита с нескольких читок вполне овладела текстом. Каким-то особым верхним артистическим чутьем она поняла суть своей роли, проникла в ее глубины. Эта крестьяночка с юга сумела понять трагизм и пафос легендарной борьбы, что там, на Востоке, в неведомой ей стране вел неведомый ей героический народ. Я тоже не был в Советском Союзе и до сих пор не видел портрета Зои. Но какой бы она ни выглядела в жизни, я представляю себе эту вашу юную героиню такой, какой ее изобразила наша Анита.

Итак, три роли. Зоя, старая крестьянка и эсэсовец. Театр — это большой бетонный склад при полустанке в горах. Сцена — дощатый помост, утвержденный на бочках. Декораций никаких. Веревка с петлей свисает прямо с балки потолка. Не бутафорская, а настоящая веревка, от которой даже пахнет смолой. Две газовые лампы с рефлекторами освещают сцену. Зрители сидят в тени. Но чувствуется, что их много, слышится скрип скамеек, хрипловатое дыхание и сухой, простуженный кашель, раздающийся то и дело в разных концах зала. Какая-то из ламп бросает косой луч в публику, и я вижу, что у сидящего с краю партизана — Большого Джузеппе, как зовут его товарищи,— глаза сверкают, как у лошади, на которую упал свет автомобильных фар...

Прервав рассказ, хозяин выходит в соседнюю комнату. Мы сидим молча, не шевелясь: столько неожиданного обрушилось на нас тут, в этом маленьком особнячке на тихой улице римского предместья. Хозяин застает нас в тех же позах. Впрочем, и сам он взволнован не меньше. В руках у него короткий китель из черного сукна, какие носили немецкие офицеры войск «СС». Ну да, вот и две серебряные молнии в петлице.

— Костюмеру не пришлось трудиться над этим?

— Совершенно верно. Этот мундир однажды принес, вернувшись из очередной вылазки, тот самый Большой Джузеппе, о котором я поминал. Он был влюблен в нашу Аниту. «Джузеппе и Анита — совсем, как Гарибальди!», — посмеивались партизаны. Парень бродил за ней, как тень. Своими огромными лапищами он покорно чистил овощи, перебирал макароны, мыл посуду, лишь бы быть к ней поближе. Но она была к нему равнодушна, да и как могло быть иначе? Он был только сила, грубая, простодушная сила, а она, она... впрочем, это к делу не относится. Вернемся на сцену.

Можете мне поверить, что за всю мою артистическую жизнь я не переживал так, как в этот вечер. К досаде своей, я чувствовал, что волнуюсь даже больше, чем эта девочка из деревни. Анита, та просто жила в одежде Зои и как бы вся горела ее чистым, почти святым народным гневом и, оставаясь сама собой, была очень обаятельна. А я? Ведь у меня была иная роль и иные задачи. Анита-Зоя вдохновляла всех этих усталых, простуженных, полуголодных людей, вселяла в них веру, звала на подвиги. Моя игра должна была дать им заряд ненависти, укрепить их волю к борьбе. Так я понимал свою задачу, и я волновался: хватит ли у меня сил, сумею ли? И, кроме того, трудно итальянскому партизану, воюющему с наци, влезать в шкуру заклятого врага.

Говорят, что, волнуя сердца, актер сам должен оставаться рассудочным и холодным... Мо-

И. ПОСЕЛЬСКИЙ

Я хочу рассказать об одной мало кому известной истории небольшого фильма, который не был предусмотрен никакими планами киностудии, не имел ничего похожего на сценарий, и весь его так называемый съемочный период длился... шестьдесят минут.

Это было двадцать лет назад. Действие происходило под Киевом, в дачной местности Святошино.

В 1937 году МХАТ гастролировал в украинской столице, и артистам предоставили несколько дач в сосновом бору.

Стоял теплый, весенний день, когда мы отправились за город. Вот и Святошино. Машина остановилась у густо заросшего участка, в глубине которого стояла двухэтажная большая дача.

Первый, кто встретил нас в саду, был М. М. Тарханов. Он находился в окружении ребят и, видимо, изображал военачальника, нервного и боязливого. Михаил Михайлович ежесекундно вскакивал на садовую скамейку, вглядывался в свернутую трубкой газету и, чувствуя, что «битва» проиграна, неистово кричал на «подчиненных». А вокруг буйствовали мальчишки. Укрываясь в кустах, они сосновыми шишками стремились приостановить «танковую атаку». По песчаной дорожке действительно двигался заводной детский танк, от которого по сторонам отлетали «снаряды» — шишки.

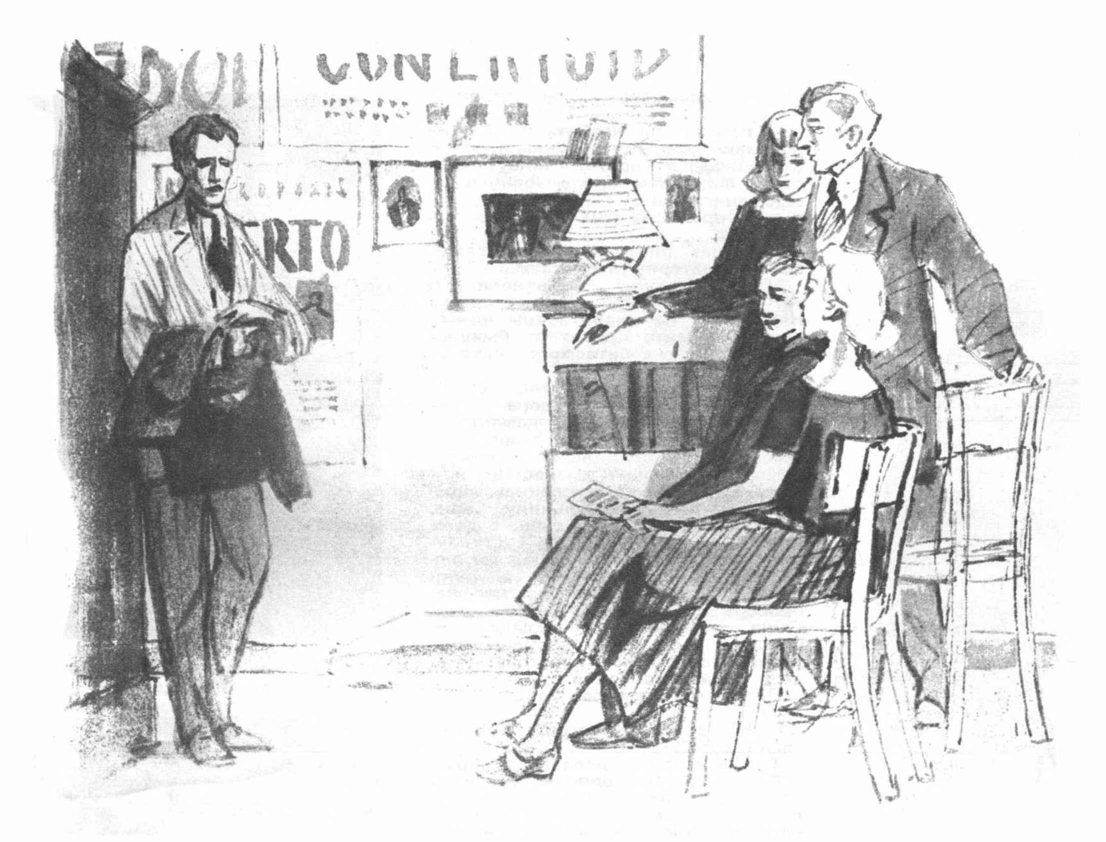
К нашему счастью, игра была в разгаре, и «военные кинокорреспонденты» в минуты «боя» остались незамеченными. Это и решило их успех. Оператор Борис Макасеев прилег на траву, и кадры «фронтового» репортажа были уже «в кармане». Но тут же мы были обнаружены.

Мы признались: киноаппарат прихватили на всякий случай, узнав, что здесь отдыхает вся семья мхатовцев.

Кинохроника довольно часто снимала на сцене наших любимых мастеров театра, но никогда еще не доводилось нам снимать их в быту. Естественно, что такая непосредственная сценка, как только что внезапно схваченная, была для нас очень дорога.

Михаил Михайлович, человек необыкновенного обаяния и простоты, встретил нас весьма радушно, хотя гости мы были нежданные. И тут же предложил свои услуги.

— Я у вас за главного администратора буду. Все переговоры с актерами для съемки беру на себя. Согласны? Правда, приехали вы поздновато: через час мы отправляемся на репетицию в театр. Но

возле своего лица, я увидел глаза Большого Джузеппе. Тут я потерял сознание...

Актер смолк. Черный эсэсовский китель дрожал у него в руках. Он протянул его нам.

— Посмотрите внимательней.

Под правым погоном нетрудно было заметить дыру, а на спине — дыру побольше, с рваными краями.

— Навылет?

Актер утвердительно кивнул головой.

— Случайный выстрел?

— Ну, конечно же, нет. Это Большой Джузеппе мне влепил... Он не стал дожидаться, пока мерзкий гитлеровец повесит эту очаровательную русскую девушку, понимаете? Я могу ощипать и отдать на кухню все листья вот с этих лавровых венков,— он обвел руками стены,— но это,— и он не театрально, а естественным жестом прижал куртку к себе,— это на всю жизнь!..

— Ну, а дальше?

— Собственно, это все, что касается данного события. Ну, а вообще я провалялся довольно долго, сначала там, в горах, в палатке, где мне наш партизанский врач сделал операцию. Большой Джузеппе, этот темпераментный зритель, давший такую высокую оценку моей игре, частенько появлялся у моей койки. Потом он не пришел день, два, неделю, и мне сказали, что он погиб при попытке подорвать нацистскую машину.

— А Анита?

— Анита? — Актер помолчал. Из глаз его исчезло обычное задумчиво-печальное выражение. Они сделались ироническими.— Вы, должно быть, ожидаете, что я сейчас расскажу вам, что она стала кинозвездой, заседает в парламенте или сделалась секретарем коммунистической ячейки? Ведь так? Вы же обожаете такие концовки.

— Ну, что ж. Если она действительно так славно повоевала и так талантлива, как вы рассказываете, у нас бы это было вполне естественным.

— А у нас, увы, нет. Окончилась война. Все стало на свои обычные места. Партизаны разошлись по домам. Мало кто вспоминает об их героизме. Наоборот, нас стараются заставить забыть о нем.

— Ну и все же, что стало с Анитой?

— Когда я поднялся с койки, отряд уже не существовал. Я потерял ее след. Впрочем, честно говоря, я его и не искал... Зачем?

И он замолчал, задумчиво глядя на черный форменный китель...

жет быть, может быть... Но когда начался диалог офицера с юной партизанкой, которую он должен был повесить, когда Анита с яростью и пренебрежением стала бросать мне в лицо гневные слова, я чувствовал, что сцена идет совсем не так, как мы репетировали. Вместо молодых, полных тоски глаз на меня смотрели глаза сухие и гневные. Она, эта Анита-Зоя, говорила так, будто не только правда, но и сила была на ее стороне. Она говорила не как девушка, а как судьба. И я видел в ее расширившихся зрачках настоящую ненависть, лютую, непримиримую. Но еще более странно было, что я, артист, сыгравший столько ролей, в эти мгновения испытывал настоящий страх, страх и безнадежность, которые, может быть, испытывал тот эсэсовец, что повесил девушку под Москвой. Мы продолжали свой диалог, как будто насмерть рубились на саблях, а из глаз клоуна, игравшего крестьянку, лились настоящие, не театральные слезы.

А оттуда, из полумрака склада, смотрели на нас сотни глаз. Мы их не видели, мы чувствовали эти взгляды. Даже сухой кашель в зале стих. Я понимал: зрители захвачены, сердца их в наших руках. Это настоящий успех. Надо теперь только не сорваться, довести сцену до конца. Я схватил веревку, стал делать петлю. Руки мои неподдельно дрожали, как руки настоящего убийцы. Когда же с петлей в руках я двинулся к Аните, она не отпрянула, как это было на репетициях, а осталась стоять неподвижная, точно застывшая. И вместо того, чтобы замахнуться, я опустил глаза... Все шло не по пьесе. Вместо реплики: «Будьте прокляты, звери, люди отомстят вам за нас!» — Анита вдруг яростно плюнула мне в лицо. И в это мгновение в напряженной тишине склада раздался выстрел. Я почувствовал, как что-то горячее толкнуло меня в грудь, ниже правого погона, и стал падать на пол. Помню, как страшно закричала Анита, помню, какой шум поднялся в зале, помню, как совсем рядом,

не будем терять время. За дело, друзья!

Обрадованные, быстро подхватив аппарат и чемодан с кассетами, мы устремились к даче.

Подходя к террасе, откуда уже доносился многоголосый шум, Тарханов расставил нас по рангу. Впереди шагал его сын с «пленным танком» в руках. Затем следовала остальная «армия» с «винтовками» — палками — на плечах. Колонну завершали мы — «военные киножурналисты». Сам же Тарханов, подобрав где-то метлу, гарцевал на ней, как на горячем коне. И, конечно, возглавлял победное шествие.

Звуки «духового оркестра» привлекли к нам внимание. Зрелище, видимо, было очень смешное. Из раскрытых окон на нас смотрели веселые лица, раздавались дружные аплодисменты. Покачиваясь на гамаке в тенистой стороне парка, раскатисто хохотал Иван Михайлович Москвин. Ни слова нам не говоря, он подхватил у кого-то яркий цветастый дамский халат, соорудил из газеты треуголку, состроил мгновенно гримасу, как-то смешно присел, и... перед нами оказался китайский мандарин. Восхитительная импровизация вызвала всеобщий восторг.

Увидав новоиспеченного мандарина, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова и Василий Иванович Качалов сорвали огромные лопухи и, усевшись по сторонам, стали размахивать ими, как опахалами. А «полководец», Тарханов, вырвав из рук сына «трофей», низко и покорно склонился перед мандарином.

Что же касается нас, то мы лихорадочно быстро расставляли ножки штатива, наспех прикрепляя к нему аппарат, радуясь, что никто из актеров не обращает внимания на непрошеных гостей из кинохроники. Нам-то хорошо известно: обрати кто-нибудь из них внимание на киноаппарат, и вся эта драгоценная непосредственность веселья исчезнет.

Между тем все направились на площадку, где начался... «бал». Мужчины встали по правую сторону, женщины — слева. О. Л. Книппер-Чехова, А. К. Тарасова, К. Н. Еланская, Ф. В. Шевченко, И. М. Москвин, М. М. Тарханов, В. И. Качалов, Н. П. Хмелев, Б. Г. Добронравов, В. Л. Ершов... Трудно даже вспомнить всех, кто принимал тогда участие в этой импровизированной кадрили.

С момента нашего приезда в Святошино прошло около часа. Но мы уже успели заснять больше двух кассет...

В разгар съемки И. М. Москвин надел пенсне, вынул часы из бокового кармана и, впервые посмотрев на нас, сказал:

— А теперь шутки в сторону, пора на репетицию!

А мы-то по наивности своей думали, что нас никто не замечал...

Вот и вся история неизвестного фильма, который затем был смонтирован и отпечатан всего лишь в двух экземплярах. Один из них наша студия подарила музею МХАТа, а второй хранится в государственном киноархиве. Фильм мы назвали «Домик в Святошино».

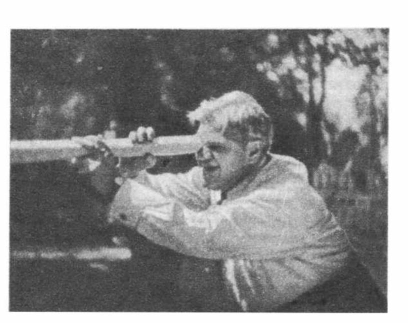
На нас смотрели веселые лица. Слева направо: К. Н. Еланская, М. И. Пузырева, Л. М. Коренева, Ваня Тарханов — ныне актер МХАТа И. М. Тарханов, и А. К. Тарасова.

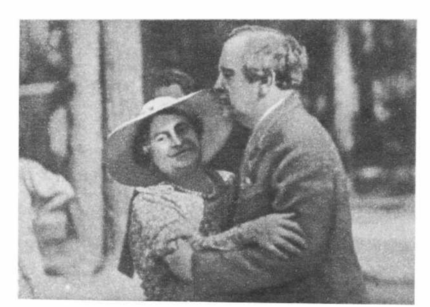
В. И. Качалов.

И. М. Москвин.

М. М. Тарханов.

На «балу». О. Л. Книппер-Чехова и В. И. Качалов.

Ты сама догадайся по голосу...

Вл. РУДИМ, Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Ф. Короткевича и А. Томашевича.

Голос юной индонезийки записан в Москве.

Здесь побывал и гость из Африки.

Студия «говорящего письма» на улице Горького. Она родилась в шумные солнечные дни фестиваля. Ее первыми посетителями были наши милые гости. Фестивальный вихрь привел сюда юную индонезийку, которая спела песню, сфотографировалась и умчалась дальше. Здесь пел смуглый сын Африки, записывали свои голоса делегаты Китая и Чехословакии, Индии и Египта, Англии и Мартиники, Америки и Монако... Сюда как-то зашел джентльмен, говоривший по-английски, и попросил записать его голос на пластинку «Санта Базиль», чем немало озадачил работников студии: что такое «Санта Базиль»? Наконец все разъяснилось: оказывается, джентльмен хочет иметь на пластинке снимок храма Василия Блаженного.

Ну и, конечно же, самые частые гости студии — наши советские люди, москвичи и приезжие, самые маленькие и совсем пожилые.

Накануне Нового года здесь было особенно оживленно.

Вот впорхнули припорошенные последним снегом старого года студенты: «Хотим записать новогодний капустник!» Вслед за ними проследовал высокий седой мужчина и достал из кармана «колесико» пленки:

— Здесь записано мое радиовыступление для молодежи — о большевистской работе накануне революции. Можно его перевести на ваши пластинки? Пленка-то в Калугу пойдет, а мне хочется иметь копию.

Это старый коммунист, член партии с 1919 года Иван Федорович Казаринов.

Открывается входная дверь. Новые посетители — компания веселых людей. Просторная комната сразу делается тесной. Хотят послать новогоднее поздравление. Куда? В Антарктиду. Микрофон включен, и мы слышим торжественный голос: «Дорогой Михаил Емельянович! В тот момент, когда вы встречаете Новый год на необитаемом материке...

— Как так на необитаемом? — перебивают основного «докладчика».— Сто пятьдесят человек живут вместе с Михаилом Емельяновичем. А еще пингвины...

— А прописка там есть?

— Нет.

— А раз никто не прописан,— значит, материк необитаем...

Итак, Михаил Емельянович, в тот момент, когда вы встречаете Новый год на необитаемом континенте, примите привет от бывших обитателей необитаемого островка»...

...Звукооператор приглашает в комнату записи Федора Степановича Нестерова, командира авиационного отряда, обслуживающего целинные земли. Федор Степанович разрешает нам послушать его «выступление», адресованное сыну — школьнику Саше. Нестеров поздравляет сына с днем рождения («одиннадцать стукнуло»), шлет ему самые щедрые пожелания, а затем берет в руки баян: «Теперь я сыграю кое-что, проверь мои успехи». Оказывается, Саша занимается в музыкальной школе и свою учебу совмещает с «преподавательской работой»: учит отца играть на баяне.

Перед микрофоном новый посетитель:

— Машенька, дорогая! Говорит твой друг Давaг...

Таравын Давaг недавно приехал в Москву из Монголии на учебу и пока еще плохо говорит по-русски. Но со всем пылом влюбленного он описывает красоту и прелесть своей подруги, заимствуя краски у неба, у моря, у ковыльных степей. Мы не станем воспроизводить его слова — пусть их услышит только та, которой они предназначены.

А потом звучали другие голоса — самые разные.

«Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая...» (Это для Оли, уехавшей в совхоз на казахстанской земле.)

«Ты сама догадайся по голосу семиструнной гитары моей». (Это моряк, «а для кого песня—секрет».)

Приехал в Москву директор школы из Тамбовской области, зашел в студию и попросил, чтоб звукооператор поехал с ним на квартиру к поэту Ивану Шамову.

— Слышали о нем? Он учился в нашей школе, затем воевал. Ранение приковало к постели. Переключился летчик Шамов на стихи, песни — стал поэтом. Вот я и хочу записать его выступление на пластинку, привезу ее в школу, пусть ребята послушают.

Просьба директора, конечно, была выполнена.

На днях были сданы пластинки Первому подшипниковому заводу: записи производственной гимнастики для разных профессий и возрастов. Так что теперь зарядками на Подшипнике «командуют» с радиоузла.

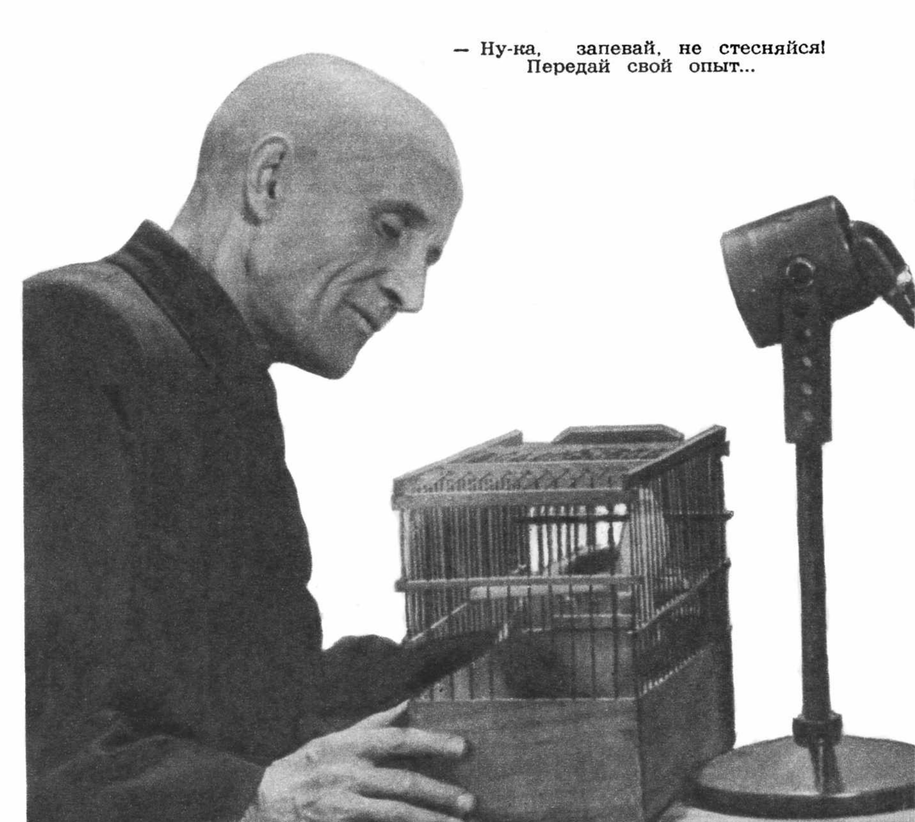
Бывают и такие заказы: туристка из США встретилась в Москве с сестрой, записала ее голос в студии и попросила пластинку отправить в Америку. В другой раз пришла девушка, «напела пластинку» и дала египетский адрес: там ее отец, лоцман, проводит суда по Суэцкому каналу. Как-то появились пожилые супруги и сказали: для Австралии. Военная година разлучила отца и мать с дочерью, которая очутилась на чужом континен-

— Здравствуйте, дорогой друг Вилли Андерсен...

Рина Зеленая слушает детские голоса.

— Ну-ка, запевай, не стесняйся! Передай свой опыт...

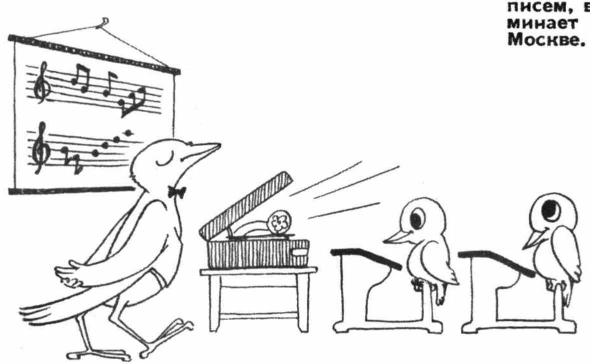

— Я сейчас расскажу сказку...

Юра единым духом втиснул на пластинку восемь стихотворений.

те. Все ее попытки вернуться на Родину оказались тщетными. Сколько боли и горечи было в голосах родителей, поздравлявших с днем рождения дочь—родную и далекую!

Но больше, конечно, историй веселых, шуточных, забавных. Многие из них — продолжение фестивальной дружбы. Это в полном смысле «музыкальные истории».

Библиотекарю 119-й московской школы Татьяне Коваленко напомнил о себе один из ее фестивальных друзей — Джанни Ланин из Милана. Он прислал цветную открытку-пластинку с видом Милана и с песней. И в Милан ушел тоже музыкальный ответ, «написанный» на улице Горького.

Зина Титова, занимающаяся на курсах иностранных языков, «наговаривала» свое письмо по-английски: оно предназначалось для Вилли Андерсена из Дании. После фестиваля он прислал уже несколько писем, в которых с восторгом вспоминает о песенной августовской Москве.

Папам, мамам, бабушкам, дедушкам читают ребятишки стихи, сказки, поют песенки, играют на пианино.

Сашин папа уехал в Пакистан (он работает в посольстве) тогда, когда сын еще совсем не говорил, а теперь ему почти два с половиной года и он даже стишок может рассказать! Приятный подарок отцу!

Другой Саша, Пинаев, декламирует басню «Ворона и Лисица». Его отец, которому предназначена эта пластинка, командирован на учебу в Прагу. А уж как обрадуется прабабушка в Новосибирске! Ей тоже пошлют эту запись.

Юра Кучумов читает подряд восемь стихотворений.

— Ты отдохни,—уговаривает мать.

— И не надо отдыхать, на улице отдохну!

Эта небольшая «дискуссия» тоже попала на пластинку.

Нередкая гостья в студии — артистка Рина Зеленая. Нет, она приходит сюда не записываться, а слушать детские голоса. Ей интересно поговорить с «исполнителями», которые в сопровождении взрослых чинно ожидают своей очереди на запись. К Рине Зеленой обращается весьма самостоятельного вида «мужчина» лет четырех — пяти:

— Видишь, как я машину свою сломал?

— Вижу,— серьезно отвечает артистка и спрашивает: — Трудно было?

— Трудно. Два дня ломал.

А маленькая белобрысая девочка сообщает о том, что она «участвовала в эпидемии гриппа».

Но не думайте, что в студии звучат только человеческие голоса. Сюда заглядывают... и звери и птицы.

Много хлопот наделал огромный пушистый пес колли. Его тоже привели на запись: ребята ставят у себя в школе пьесу, где по ходу действия должна лаять собака.

Удостоила студию своим вниманием и пением канарейка. Клетку с птицей принес пенсионер, страстный любитель певчих пернатых Федор Николаевич Ижицкий.

— Зачем записывать голос канарейки? — спросили у Ижицкого.

— А как же! — сказал Федор Николаевич.— Техника поможет мне обучить птицу. Нынче канарейки в пении поотстали, сбились с прежнего мотива. А до войны, хорошо помню, куда лучше пели. Потом, как известно, не до птиц было: все воевали, никто не учил канареек, и их песня разрушилась. Вот я и хочу наверстать упущенное — запишу на пленку одного «учителя» — это такой кенар, который хорошо поет,— затем второго, третьего... Из этих записей выберу самые красивые места и смонтирую их — на новой песне и начну воспитывать молодой выводок.

Значит отныне «учителем» будет пластинка. Она безотказней взрослого кенара, которому требуется настроение для пения. Опять же во время линьки не каждый самец поет. Потом еще хочу попытаться научить канареек какому-либо народному мотиву. Думаю, что получится, удачные опыты имеются. И не подумайте, что все это пустяк: для любителей нет лучшего отдыха и наслаждения, как послушать птичью песню!

Как видите, в студии встречаются с самыми различными и неожиданными желаниями.

«Посылаю вам,— так заканчивается одна из записей,—не только мой голос, но и... слышите? Это хлопнула пробка, наливаю шампанское, оно искрится, пенится... Поднимаю бокал, поздравляю вас с наступающим Новым годом под звук кремлевских курантов!»

Не удивляйтесь: студия «запаслась» боем знаменитых курантов! И под этот мелодичный перезвон уже прозвучали десятки радостных, веселых голосов:

— С Новым годом! С новыми успехами!

Рисунки Е. Гурова.

ГОРСТЬ ОРЕХОВ

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Лошадь скинула председателя у самых дверей правления на глазах всех колхозников, обедавших за длинными, врытыми в землю столами. Падая, председатель успел прочесть надпись, сделанную кем-то на дверях: «Посторонним вход воспрещен. Штраф пять рублей плюс одна копейка». Странно, что до падения он никогда не замечал этой шутливой надписи. Потом надпись перевернулась, и председатель очутился на земле. Председатель умел падать, недаром он был непробиваемым вратарем колхозной команды. В длинном, стремительном прыжке, распластываясь в воздухе, он брал даже штрафной удар, направленный в нижний угол ворот. Но сейчас ему не повезло. Он попробовал распластаться в воздухе, чтобы падение не выглядело столь неуклюже, кажется, ему это удалось, но в земле оказался острый камень, и он ударился о камень затылком.

У него еще хватило силы сказать кинувшимся к нему колхозникам: «Матери ни слова!..», после чего он потерял сознание. Но перед тем, как свет померк в его глазах, он увидел большой смеющийся рот Тоси Шумиловой.

Сейчас, лежа в больничной палате напротив темного, ночного окна, председатель мучительно пытался понять, кто же виновен в его неудаче.

Очевидно, конь. Зачем он так внезапно стал на полном скаку да еще кинул задом? Коня он выпросил у районного милиционера, приехавшего на Остров проведать свою мать, паромщицу тетю Пашу. Конь был школеный, послушный, председатель, знавший толк в лошадях, успел это почувствовать на коротком пути от парома до правления. Конь стал, потому что председатель слишком резко натянул поводья. Значит, виноват он сам? Но ведь он дернул поводья невольно, увидев, что дежурная по столовой Тося Шумилова раздает кашу в своей обычной желтой, небрежно повязанной косынке вместо положенной марлевой. Он хотел сделать Тосе замечание и осадил коня. Значит, виновата Тося. Во всех его несчастьях и неприятностях виновата одна Тося. Она сожгла телевизор, подаренный колхозу шефами; из-за нее он не выиграл первенства района по плаванию: перед самым финальным заплывом Тося вдруг затеяла кататься на мотоцикле с Ванькой Цыплаковым, эмтээсовским монтером. Ванька выкручивал на берегу виражи, Тося визжала и хваталась за Ванькину рубашку, а председатель утратил форму и вынужден был довольствоваться третьим местом. А сколько неприятностей причиняла она ему на работе! У кого больше всех прогулов и опозданий? У Тоси! В чье дежурство общежитие плохо убрано, обед запаздывает, ложек и вилок не хватает, зато с утра во всю мощь орет проигрыватель? В Тосино дежурство! И наконец, по чьей вине лишился колхоз своего вожака в самый канун уборки картофеля? По вине Тоси!

А он-то старался перевоспитать Тосю, беседовал с ней, даже готовился к этим беседам, литературу читал. «Какой ты умный!» — говорила Тося, зевая во весь рот. Если б не он, ее давно бы выгнали из колхоза. И вот расплата за все, что он для нее делал,— смеющийся над его бедой красный, полный влажных зубов рот!..

А зачем он, по правде говоря, выпросил коня у милиционера? Покататься? Да где здесь кататься-то, на Острове? Кругом картошка и огороды. Если уж ему захотелось покататься, он мог бы попросить коня на конеферме, ему бы никто не отказал. Нет, он хотел покрасоваться перед Тосей, вон, мол, какая у него буденновская посадка, вон, мол, какой он всадник! И осадил он коня для форса, чтоб пыль в глаза пустить.

И чего в ней такого, в этой Тосе? Она и некрасивая вовсе. Волосы, как солома, глаза кошачьи, веснушки седлом накрывают переносье и заходят на щеки под глазами. Не веснушки даже, а сплошное рыжее пятно. И все она сует в рот, как маленькая: листья, травинки, незрелые ягоды рябины, лесные орехи, какие-то щепки. Разве можно сравнить ее с Верой Гребневой, бригадиром второй бригады? Та, действительно, красавица, смуглая, высокая, стройная, с черной тяжелой косой, на цыганку похожа. Ее так и зовут подруги: «Цыганочка».

Вера дисциплинированная, строгая и притом всегда какая-то нарядная, праздничная. Она и доклад сделает, и на собрании выступит умнее всех, и в работе неутомима, и замечательно бегает стометровку, и танцует не хуже Тоси, хотя тратит на это куда меньше времени.

Но думать об умнице и красавице Вере Гребневой почему-то не доставляет председателю никакого удовольствия. Как ни старается он удержать ее в мыслях, строгий и праздничный облик Веры, черные тяжелые косы и смугло-матовое лицо упрямо замещаются пучком соломы, кошачьими глазами, размытым пятном веснушек.

Заснуть бы, но сон нейдет. И тугая подушка так быстро нагревается под горячей головой с выбритым на затылке пятачком, куда наложили швы. За окном что-то шевелится и будто вздыхает. Это клен то прижмет к стеклу, то откинет свои широкие ладони. Ночь безлунна и беззвездна, но, поймав какой-то незримый лучик, на ночном столике посверкивают ребрышко граненого стакана и ртутный кончик градусника.

Председателю тоскливо и маятно в пустынной палате. Единственный его сосед, печник Кадушкин, ушел вечером, не дождавшись врача: картошку убирать надо. Скорей бы минула ночь, да ведь ночь проходит быстро, лишь когда спишь, а сна нет ни в одном глазу! И чтоб не думать о своей неудаче, председатель старается думать о чем-нибудь хорошем, гордом, дающем силу и уверенность.

Пусть не сложилась личная жизнь, видно, не может быть человек кругом счастлив, но и он не обделен радостью. Колхоз, который он придумал, создан, и он, Вася Ушаков, председатель этого первого в области, а может, и в стране, детского школьного колхоза. У них в колхозе много десятиклассников, а все-таки выбрали его, хоть он только перешел в девятый класс. Правда, он кое-что смыслит в сельском хозяйстве: вот уже лет пять он помогает своей матери, колхозному овощеводу-опытнику. Но и многие другие ребята работали в летние месяцы на полях. Большинство ребят смотрело на эту работу, как на скучную повинность. Иные, правда, не прочь были подзаработать на костюм, велосипед или фотоаппарат, но сама работа не увлекала. Она как-то растворялась в общем труде той бригады, за которой закрепляли школьников; ребята чувствовали себя пришлецами, вроде поденщиков, ни радости, ни гордости, ни азарта не было в этом труде.

И вот он подумал: а если б ребятам дали самостоятельный участок? Чтобы они были полными хозяевами своей земли, чтобы выращивали свой урожай и за все отвечали сами? Нужен свой школьный колхоз — иначе взрослые все равно будут вмешиваться и командовать,— со своим именем, своим уставом, планом, инвентарем, доской показателей, со своим рабочим порядком. Но как это сделать? К кому обратиться? И тут он вспомнил о директоре МТС Шишкове, самом смешном и, пожалуй, самом уважаемом человеке в районе.

Шишков, в широченных, как паруса, холщовых брюках и детской кепочке, сидевшей блином на его длинных русых волосах, постоянно носился со всякими невероятными выдумками, которые вначале вызывали общий смех, а затем вдруг обретали жизнь. Так он придумал выращивать овощи на... домах. Крыши делаются из стекла, под ними ставятся ящики с рассадой, выходят те же теплицы. Он даже умудрился написать об этом в газете. Но поскольку никто не ухватился за его проект, Шишков перекрыл стеклом собственный дом и стал зимой есть огурцы, помидоры, редиску. И сейчас в районе строится новая школа наполовину под железом, наполовину под стеклом. Ребята будут там выращивать зимой овощи для школьной столовой. Человека, придумавшего сажать на крыше огурцы и помидоры, не смутишь и детским колхозом.

— Так-так...— сказал Шишков, словно и сам давно об этом думал.— Инвентарь мы дадим, а землю вам надо выделить на Острове...

И когда он назвал Остров, Вася уверился, что Шишков действительно все понял. Близ заводского поселка, где находилась Васина школа, Москва-река делится на два рукава, по которым ходят пароходы в Казань и Уфу. Между этими рукавами лежит земля, называемая в окрестности Островом. Площадь Острова — гектаров сто, из них восемьдесят заняты под огороды второй бригады колхоза «Красная заря». Связывается Остров с большой землей двумя паромами, на левом берегу паромщиком работает Миша Бегунков, семнадцатилетний лодырь, на правом — тетя Паша, боевая старуха, глава многочисленной семьи. Попасть на Остров слева мудрено из-за Мишиной лени, справа — из-за тети-Пашиной занятости: у нее шесть внуков, огород, пчелы, корова и гуси. Для второй бригады Остров был сущим наказанием, и, конечно, они охотно уступят его школьникам. А кроме того, Остров — это остров, значит, взрослые не станут очень-то вмешиваться.

— Жить будете дома или на Острове? — продолжал Шишков.

— На Острове.

— Правильно! Там есть старое овощехранилище, в нем и поселитесь. Нормы?

— Как у взрослых.

— Правильно! Сколько у вас народу?

— Под сотню будет.

— Значит, две смены, по полтора месяца каждая. Название колхоза?

— Н-не знаю...

— Вот те раз! Колхоз начинается с названия. «Путь к коммунизму» подойдет?

— Еще бы!

— Вывеску мы вам напишем. Маслом. Киноварью по зелени. Но вообще это — только начало,— добавил Шишков.— На будущий год мы создадим школьную тракторную бригаду.

Не прошло и двух месяцев с этого разговора, а колхоз «Путь к коммунизму» выработал уже больше тысячи трудодней, был премирован радиолой, и вывеска его, написанная киноварью по зеленому полю, видна далеко и на правом и на левом берегах Москвы-реки. А на правлении взрослого колхоза «Красная заря» рядом со стариками заседают он, Вася Ушаков, и его бригадиры Вера Гребнева и Митя Локшин. Главное же, колхоз настолько полюбился ребятам, что вторая смена, пришедшая в середине июля, чуть не с боем вышибала своих предшественников из старого овощехранилища, переоборудованного в общежитие, контору и комнату отдыха.

И все-таки сколько еще не сделано! До сих пор нет устава сельхозартели. Только

один пункт записан. Председатель невольно улыбнулся, вспомнив об этом пункте. Им колхоз обязан Грише Гуськову, который делит с Тосей славу самого недисциплинированного колхозника. Однажды за обедом Гриша облил супом соседку. Это вызвало взрыв возмущения у девочек. Тщетно Гриша доказывал, что опрокинул миску случайно, что он голоден, как собака, и ради удовольствия облить какую-то девчонку ни за что бы не пожертвовал наваристыми щами. Девочки наперебой кричали о своих обидах. Одну Гриша дернул за косы, другой сунул лягушку за пазуху, у третьей отнял новую тяпку, четвертой нарочно отдавливал ноги во время танцев. Об этом громче всех кричала Тося. И первым пунктом колхозного устава было записано строгое запрещение дергать за косы, обливать щами и вообще как бы то ни было ущемлять женский состав колхоза.

Вчера вторая бригада взрослых попросила у него десять человек на кукурузу: зашились с прополкой. Он, конечно, дал людей, но все-таки это непорядок. Надо, чтоб на будущий год за ними закрепили кукурузное поле, иначе опять начнутся обезличка и неразбериха. Раз взрослые не справляются, а у них сил хватает, почему бы не прибавить им земли? Что они, запертые, что ли, на своем Острове?

А на днях к ним в колхоз попросился перевозчик Миша Бегунков. Ребята, как один, восстали против этого: Миша — известный лодырь. Миша уверял, что исправится и будет работать. «А кто тебе мешает исправиться и работать в своем колхозе?» — резонно спросили его. «В своем колхозе мне уже не исправиться,— грустно ответил Миша.— Мне все равно никто не поверит». Мише отказали. А правильно ли это? Может, следовало принять его? Надо бы поставить вопрос на правлении. Да и о кукурузе тоже... А еще нужен бухгалтер-учетчик, а то ребята жалуются, что им неправильно проставляют выработку. Сколько неотложных дел, а тут лежи себе, как полено! Так вот и всегда; начнешь думать, вроде бы все хорошо, а потом потянется! Нет, если хочешь уснуть, лучше совсем ни о чем не думать...

Где-то вдалеке прорыдал филин, и, словно отозвавшись на его жалобу, тревожным ночным голосом заревел у шлюзов пароход. Едва замер его хриплый, долгий стон, застрекотала гигантская стрекоза, глянув в окно круглыми красными глазами; низко прошел к аэродрому «По-2». Председатель вспомнил, что в детстве он мечтал стать летчиком, и усмехнулся над самим собой. А ночь, на миг населившись шумами и движениями, вновь замерла, притаилась. Лишь по-прежнему редко и глухо вздыхал под окном клен, словно собираясь в дорогу.

Под утро председатель заснул, и до самого пробуждения ему снился сон про обезьян, длинный, надоедливый и обидный: неужели ничего поумней не могло присниться? Обезьяны прыгали с дерева на дерево, дрались, чесались, ругались, висели на хвостах, и председатель во сне смеялся над их глупыми ужимками, радовался невесть чему, а потом во сне же расстроился...

Проснувшись, он долго лежал с закрытыми глазами в надежде, что ему приснится что-нибудь более приличное его положению. Солнечный луч щекотал веки.

— Вась! А Вась!..— Ему показалось, что это во сне звучит лениво-капризный, со всегдашней усмешкой голос Тоси. Он медленно открыл и быстро сощурил — столько солнца было в комнате! — тяжелые от сна глаза. А когда вновь открыл их, то увидел над краем подоконника желтый, небрежно повязанный платок и рыжий размыв веснушек, оседлавших курносый нос.

Да, это была Тося. Она открыла незапертое, видимо, окно и с любопытством заглядывала в палату.

— Ты чего не на работе? — спросил он хмуро.

— Отпросилась. Тебя проведать.

— Что в колхозе? — спросил он, стараясь придать деловую озабоченность своему голосу.

— Интриги.

— Чего?

— Страшные интриги! Вторая бригада все цельные мешки забрала, а нам дырье оставила.

— Что же ваш бригадир смотрел?

— А он все по-веркиному делает. Она им как хочешь крутит.

— Что ты врешь?

— Вот и не вру! Все знают. Один ты слепой. «Цыганочка!» «Цыганочка!» А Цыганочка всех вас вокруг пальца обвела!

— Ладно, разберемся. Сколько уже убрали?

— Ближнее поле все. Гриша перепелку поймал с перебитой ножкой...

— На кукурузу кто-нибудь пошел?

— А как же! Две Таньки, Муся и Борис.

— Откуда ты все знаешь? — удивился председатель.

Ему всегда казалось, что Тося проводит рабочее время словно в полусне и просыпается лишь с ударом гонга, извещающим об окончании рабочего дня.

— А я так и думала, что ты будешь спрашивать, и все запомнила! Вась, ты не сердишься, что я вчера засмеялась? Я думала, ты понарошку упал.

— Ерунда! — сказал председатель и покраснел.

— Зато потом я была очень грустная.

— Ну да?

— Правда! У нас танцы были, зареченские ребята пришли. А я ни с кем не танцевала. Все сидела на койке, такая грустная-грустная. Зареченские интересовались: «Чего она такая грустная, может, у нее живот болит?» А им сказали: «Она за председателем скучает». Правда. За весь вечер только один фокстрот станцевала с Любкой Ершовой, ее никто не приглашал.

— Знаешь,— говорит председатель,— ты насчет Веры не думай...

— А я и не думаю... Вась, хочешь я к тебе перелезу?

— Ага!

Загорелые, посеченные травой ноги в белых тапочках мелькнули над подоконником, быстро просеменили по линолеуму, и Тося присела на край постели.

— Что это тут? — спросила она, с интересом осматривая похожий на гриб ночник, градусник и коробочку с лекарством.— А у тебя большая температура?

— Тридцать восемь и два вчера было! — с гордостью сказал председатель.

— Это что! У меня было сорок, когда я свинкой болела.

— У меня сорок один было, когда я скарлатиной болел!

— А можно тебе градусник поставить?

— Можно. Только бы нянька не вошла.

Тося стряхнула градусник и сунула его под мышку председателю, но минуты через две ей надоело ждать, она вынула градусник и пренебрежительно сказала:

— Подумаешь, температура, тридцать четыре и три десятых!.. Вась, хочешь я тебя поцелую?

— Ага,— чуть слышно отозвался председатель.

Тося наклонилась к нему, он услышал ее запах — запах травы и молока, что-то теплое на миг коснулось его щеки — вот и все. Но председатель дорого бы дал, чтоб под ним вновь оказался сбросивший его конь. Скакать, лететь над землей, проноситься над пропастями и кручами, чтоб ветер свистел в ушах, чтоб ни конца, ни удержу этой скачке!..

Он проживет еще много, много лет, но никогда не забудет он запаха травы и молока и короткого прикосновения к щеке, не к щеке — к самому сердцу.

— Тося,— после долгого молчания говорит председатель,— а как ты думаешь, у нас еще кто-нибудь из ребят целуется?

— Все! — решительно отвечает Тося.— Это ты один такой, ничего вокруг не видишь.

— Почему это я... такой? — обиделся председатель.

— Ну, серьезный очень. Ты мне потому и нравишься. Другие мальчишки — страшные юбочники!

— Тося, а ты останешься в колхозе после школы?

— Что ты?! Я же буду артисткой!

— А как же я? Я из колхоза не уйду.

— Ну и что же! Ты работай в колхозе, а я буду приезжать к тебе в бархатном платье со шлейфом.

— А не засмеют?

— Ну и пусть смеются, дураки какие!

— А ты часто будешь приезжать?

— Знаешь, как у артистов: репетиции, спектакли, концерты, гастроли, просто голова кругом!

— Да и колхозники занятые!

— Мы возьмем над вами шефство,— решает Тося.— И тогда я буду часто приезжать.

Будущее прояснилось, но у председателя остались кое-какие сомнения насчет прошлого.

— А почему ты закрываешь глаза, когда целуешься?

— Так всегда делают!

— А ты почем знаешь, ты разве целовалась?

— В кино видела,— после короткого раздумья ответила Тося.— Ну, мне пора. Хочешь, теперь ты меня поцелуй.

Председатель приподымается на подушке и секунду примеривается к лицу Тоси. Потом он целует ее в теплое рыжее пятно между щекой и носом и при этом закрывает глаза.

И тут в палату входит сестра, тетя Катя.

— Это еще что такое? — гремит тетя Катя.— Откуда ты взялась?

— Это Тося из нашей артели,— говорит председатель, лицо его так горит, что на подушку ложится розовый отсвет.— Мы о колхозных делах беседовали.

— Вижу я ваши дела! А ну, брысь отсюда!

— Я пошла, товарищ председатель,— не обращая ни малейшего внимания на гнев сестры, говорит Тося. Она достает из-за пазухи горсть лесных орехов в побуревших чехольчиках, кладет их на тумбочку и с достоинством удаляется через окно.

— Ужо доложу главврачу! — грозится тетя Катя.— Он тебя выпишет из больницы!

— А мне и недосуг тут разлеживаться,— свободно отвечает председатель.

Тетя Катя сердито сует ему под мышку градусник и выходит в коридор. Председатель берет с тумбочки орехи, они шершавые и теплые живым Тосиным теплом. Он держит их в руке, улыбается и засыпает.

Огонёк
№ 47 1944

Александр.

Знакомьтесь: бра

Н. ХАЛЕМСКИЙ

Фото Я. ТАБАРОВСКОГО.

Поблекшая от времени, местами стертая и пожелтевшая обложка журнала «Огонек» № 47 за 1944 год хранится у братьев Кравченко как драгоценная реликвия. Обрамленная в дубовую рамку, она висит на стене. Дорогá эта страничка журнала тем, что благодаря ей младший из братьев — Михаил Кравченко — разыскал свою семью.

Было грозное время войны. Черноморский матрос, не раз глядевший смерти в глаза, дравшийся на бастионах Севастополя, после ранения и излечения в госпитале отправлялся в отпуск домой. Домой! А где он, его дом? Связь с братьями была прервана еще с тех пор, как вместе с родным заводом имени Октябрьской революции они эвакуировались из Одессы.

Листая журнал «Огонек» в ожидании, пока в канцелярии госпиталя выпишут документы, Михаил неожиданно увидел фотографию, на которой были изображены все четыре брата — токари «Алтайсельмаша» в Рубцовске. Матрос немедленно направился по этому адресу. В Рубцовске едва ли не каждый знал замечательных токарей Александра, Семена, Георгия и Спиридона Кравченко. Вскоре прославил себя трудом и токарь Михаил.

С тех пор немало воды утекло. Братья Кравченко продолжают работать на заводе имени Октябрьской революции в Одессе. Правда, у станков теперь стоят только четверо братьев: старший, Александр Евстафьевич, вышел на пенсию. Сердечно провожали ветерана на заслуженный отдых. Много было сказано душевных слов, много преподнесено подарков.

В семье Кравченко состоялся торжественный ужин, и секретарь парткома Алексей Алексеевич Софронов предложил тост за рабочую династию, отдавшую заводу 223 года трудовой жизни. Нам придется расшифровать эту цифру. Пятьдесят лет проработал кузнецом на этом же заводе глава семьи — Евстафий Григорьевич Кравченко. Это он на старой шаланде вместе с двенадцатилетним сыном Александром по поручению рабочих подвозил продукты восставшему экипажу броненосца «Потемкин», когда тот стоял на одесском рейде. Полстолетия отдал заводу и Александр. Общий стаж остальных четырех братьев составляет 123 года. Недавно пришел в цех еще один Кравченко — Виталий, сын Георгия.

...Далеко за полночь затянулось торжество в семье. А на рассвете, как и обычно, по пути на работу братья встретились у моста. Не усидел дома и самый старший — пенсионер. Привычка — вторая натура. Вот так когда-то встречались они на рассвете с отцом на Пересыпи, чтобы вместе идти на завод. Обычно отец нетерпеливо ждал их у калитки своего дома. Окруженный сыновьями, он широко шагал по улице, едва успевая отвечать на приветствия друзей: кто на Пересыпи не знал трудовую семью Кравченко!

Так и сейчас. Только теперь верховодит Александр, он за главу династии. Вот почему братья и не спрашивают Александра, почему тот поднялся в такую рань. Они понимают, в чем дело: 50 лет изо дня в день входил он в ворота завода!

Проследуем и мы вместе с братьями на завод, к их станкам.

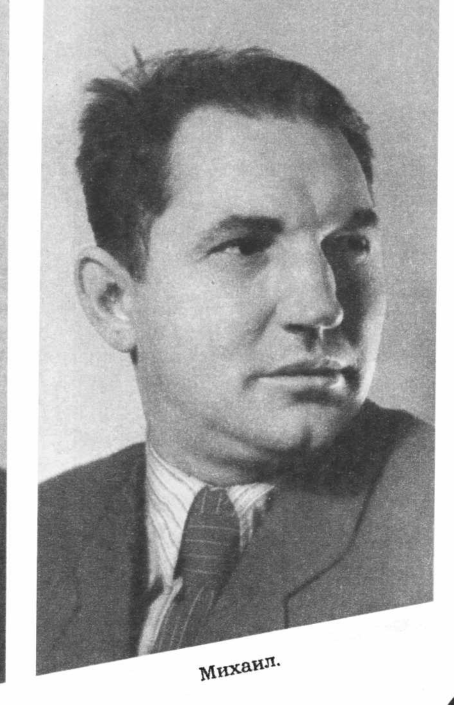
У Семена Евстафьевича сегодня боль
а у его ученика Саши Григорьева: впе
токарном станке выточил. Радость учени
ему уже довелось испытать много: за св
куда больше, нежели два ремесленных

Семен.

Георгий.

Михаил.

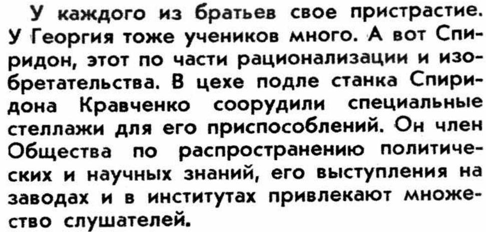
Спиридон.

...тья Кравченко!

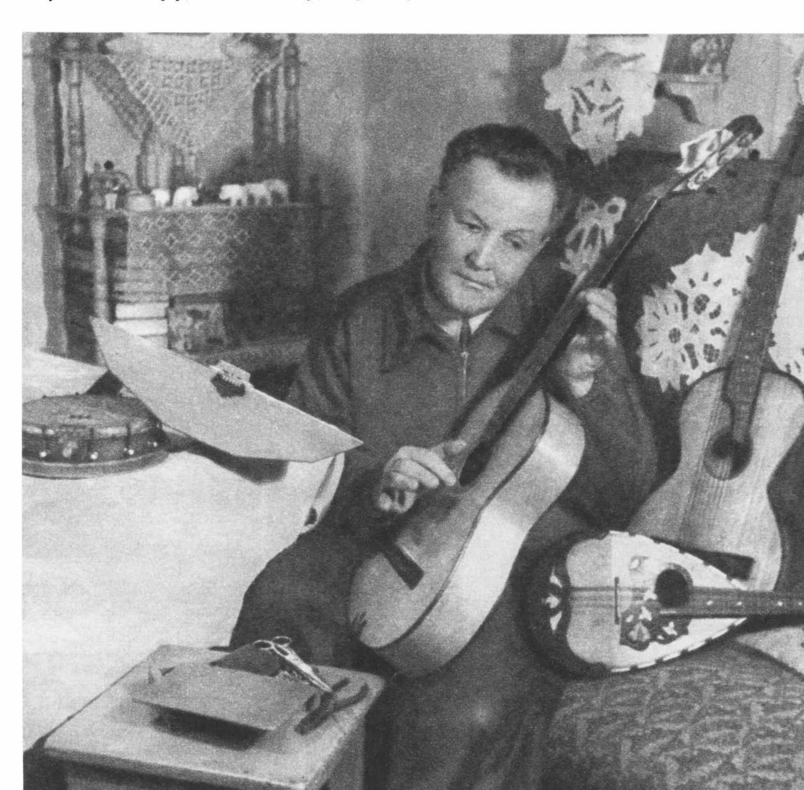
...ьшой день. Собственно, не у него самого, ...ервые в жизни самостоятельно деталь на ...ика — радость учителя, хотя таких радостей ...вою трудовую жизнь он подготовил токарей ... училища за один выпуск.

У каждого из братьев свое пристрастие. У Георгия тоже учеников много. А вот Спиридон, этот по части рационализации и изобретательства. В цехе подле станка Спиридона Кравченко соорудили специальные стеллажи для его приспособлений. Он член Общества по распространению политических и научных знаний, его выступления на заводах и в институтах привлекают множество слушателей.

...Уже время обедать, а Александр Евстафьевич все еще на заводе. «Ох, и достанется тебе сегодня на орехи от Александры Ивановны,— говорит Михаил.— И ведь права будет жинка». Действительно, обед уже готов, а мужа нет: никак не приладится к новому режиму дня. Но и Александра Евстафьевича понять надо: трудно привыкать к «пенсионной жизни». Впрочем, у него и дома достаточно хлопот. Надо настроить гитару, мандолину, скрипку.

Вечером в клубе ученых репетиция квинтета братьев Кравченко. Этот талантливый «семейный оркестр» пользуется у зрителей заслуженной популярностью.

— Нас встречают, как сестер Федоровых, а не как братьев Кравченко, — шутит Александр Евстафьевич.

В репертуаре квинтета — музыка Чайковского, Глинки, Мусоргского, современные песни из кинофильмов и песни народов нашей страны и многих стран мира. Душа квинтета — Георгий. Он всесторонний музыкант: хорошо играет на скрипке, фортепьяно и на струнных инструментах. Жена его, Мария Мефодиевна, также работающая на заводе, часто является первым слушателем и судьей исполнительского дарования мужа.

Спиридон — и музыкант и художник, но никто из братьев не отрицает, что он всех превзошел в живописи. Уже много лет Спиридон делает копии с картин знаменитых художников и дарит эти копии братьям и друзьям. Сейчас он пишет портрет Александра, который будет называться: «Глава рабочей династии».

Вот и сегодня Спиридон так увлекся, что забыл о своем обещании жене—Татьяне Андреевне — пойти взглянуть на маленькую балерину. Так они называют Эммочку, свою дочурку, которая учится в хореографической студии Дома ученых.

— А я тебя так ждала, папа,— жалуется Эмма, вернувшись из студии.

Воображение родителей, вероятно, уже не раз переносило дочку на большую сцену театра.

Нередко в одной из лож театра можно увидеть всю семью, но это, конечно, в зимнюю пору. Летом же, в свободное от работы время, братьев застанешь только на море: они ведь давнишние и коренные рыбаки.

В сентябре все Кравченко одновременно получают на заводе отпуск и на собственной яхте отправляются под Очаков — ловить скумбрию и бычков. Яхту «Дмитрий» знают на Черноморье, она носит имя шестого, погибшего брата.

Когда яхта «Дмитрий» возвращается с лова, на берегу ее обычно встречают жены и дети братьев-черноморцев. И тогда по традиции варится уха. Готовит ее сам боцман, Александр Евстафьевич...

Слава об этой ухе идет необыкновенная. Впрочем, она не нуждается в рекламе. Приезжайте летом в Одессу и сами попробуйте. Братья Кравченко — люди гостеприимные...

Короткие записи

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки Ю. ГАНФА.

Записывать в блокнот и держать в памяти журналисту всегда приходится гораздо больше того, что может понадобиться для газетной статьи или даже целой серии их. Один старый «газетный волк» очень давно поучал нас, начинающих юнцов «с амбицией, но без амуниции»: «Не умеешь записывать — не умеешь писать... Глаза, уши и блокнот журналист закрывает только тогда, когда ложится спать или умирает!..» Очень часто случается, что интересный, чем-нибудь поразивший тебя факт долго лежит без всякой пользы, пока вдруг — порой совершенно внезапно — не «впишется» в материал, не войдет закономерно в его логическую и композиционную конструкцию. А бывает, что так и не находит он своего места, так и остается записью в блокноте: газета или журнал не резиновые, они требуют железной экономии слов и строк, и ее дисциплине надо разумно подчиняться.

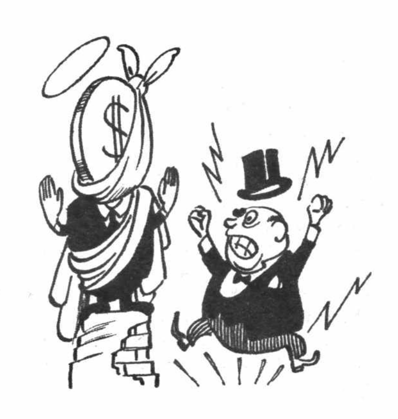
На этот раз, вернувшись из Нью-Йорка и закончив репортаж в газете, я решил отдельно обработать выписки из блокнота и выборки из памяти в надежде, что они могут показаться интересными читателям. Возможно, я ошибаюсь, но всякий новый опыт требует известного риска...

Думая о государственной мудрости одного государственного секретаря, я почему-то всегда представляю себе воробья на крыше небоскреба: залетел высоко, а сер и мелок по-прежнему. Американской же внешней политике, чтобы прикрыть прорехи и стачать концы с концами, мало и трех Талейранов...

Друзья и приятели — народ любопытный, приедем — спросят: где жили, как жили? Скажем: в отеле «Тюдор». Звучит пышно, в духе старой английской романтики; посему будут допытываться: здорово, а? Что ж, бывает и хуже... Окна в номере маленькие, рамы железные, окрашены в черный цвет, спросонья хочется уяснить, давно ли осужден и за что именно. Повернуться негде, хотя меблировка состоит из двух тесно сдвинутых кроватей, старого комода и древней конторки, на которой и приходится писать; стола вообще нет, и его некуда поставить. В умывальнике вода холодная и горячая, а ванна — недомерок, так называемая «сидячая». Чувствуешь себя туго замотанным в клубок из гула, скрежета, визга тормозов, рычания грузовиков и воя полицейских машин, сны снятся соответственные — будто по пятам гонятся каменные динозавры... За всю сумму удовольствий в переводе на наши деньги платим сорок восемь рублей в сутки. Однажды во время путешествия по Десне за Трубчевском ночевали в номере районной гостиницы — был не больше, но светлее и стоил десять рублей. Рай!..

Американский доллар — это бог, который стал забывать, как делаются чудеса. Верующие начинают подозревать в нем способность к пакостям, поскольку он понемногу обесценивается и теряет покупательную способность. Такие вещи не прощают и всевышнему!

«А Саша Керенский жив?» — спросили мы однажды, разговорившись о сорокалетии Советской власти. «Жив,— сказали нам.— Выступает с воспоминаниями о революции, называет себя другом детства и соратником Ленина, а большевистскую революцию и свое бегство в юбке считает чистой случайностью»... Мы подумали: политическое невежество и легкомыслие не всегда проходят с возрастом, старик не расстается с манией величия. Но мелькание юбки, надетой поверх премьерских галифе, все же останется в истории: очень уж это самобытная и яркая деталь последних дней буржуазной России!

На Бродвее, в зале развлечений, мальчишки за десять центов получают право пострелять из игрушечного автомата, а девчонкам другой автомат за один цент отвечает на три любовных вопроса.

Милитаризация дороже лирики.

Есть в Нью-Йорке группка физически и духовно дряхлых монархистов, издает на американские деньги газетку «Россия» с твердыми знаками, печатает воспоминания мадам Кусковой и полагает, что в Москве подпольно отливаются колокола для встречи царя-батюшки. Особенно не любит эта сердитая газетка меньшевиков и эсеров, проживающих там же, и считает, что «это только кладбищенские тени, и если они когда-нибудь, по какому-нибудь недоразумению, появятся в России, то их там даже никто не встретит, как никто не встречает тех призраков, которые на высоких ходулях, облачившись в простыню, ходят по вечерам пугать наивных старух и маленьких детей...». Горстка меньшевиков и эсеров, не замечая песка, который из них уже давно сыплется, отвечает монархистам тем же в своей газетке, издающейся на диковинном эмигрантском жаргоне...

Экий кукольный театр на свалке!

На тротуаре, возле кино, прислонив к стене флаг США, ораторствуют представители Армии спасения: «Я знаю жизнь потому, что я читаю библию... Я знаю бога потому, что я читаю библию...» Вокруг небольшая толпа людей: обнявшаяся парочка, налитый пивом и виски мужчина, в которого уже не лезет ни одна мысль, худой скептик, подбрасывающий ехидные вопросы. А за спиной толпы в кино идет фильм-бурлеск: тощие и подержанные девы виляют обнаженными бедрами в расчете на самые низменные инстинкты. Мальчишки платят дань контролеру, чтобы пропустил,— он указывает им путь наверх, где можно укрыться...

Добродетель и порок весь вечер дергают друг друга за бороду, как в американской борьбе без правил — «реслинге». Кто побеждает — сказать трудно...

Белый дом пикетируют с плакатами белые, недовольные законом об интеграции школ, и черные, недовольные тем, что этот закон остается только на бумаге. Удовлетворение все получают одинаковое — не отвечают ни тем, ни другим.

Знавали мы одного критика — сам молод, а душа вступила в последний период собачьей старости. Умный, дьявол: идейки свои ложнозначительные тянет из декадентского архива, а прикрывается бородой Маркса и в статье обязательно кладет два или три образцово-показательных поклона в сторону Советской власти. А вот нью-йоркский теоретик К. П. не останавливается на полпути: «Быть может, действительно, творчество есть не что иное, как смутное воспоминание того идеального состояния мира, каким он был до «грехопадения». И вот у художника появляется неосознаваемая им самим тоска по «утерянном рае» и

непреодолимое желание этот рай воспроизвести, хотя бы и в несовершенных образах».

Вот это теория! Чего там рассуждать-то? Марш-марш назад, к праотцу Адаму и к прамаме Еве!..

Какой рай был бы вокруг Уоллстрита, если бы можно было питаться звоном и шелестом денег!.. На самом же деле торговля вокруг этой улицы идет из рук

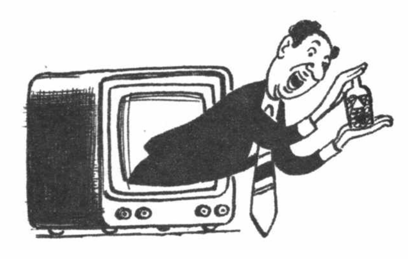
вон плохо, потому что район населен беднотой по преимуществу...

К кончине одного бизнесмена. Он превращал время в деньги, но не мог сделать времени из денег и умер на пороге пятидесятилетия...

Шел просвечивающий нейлоновый дождик — из него можно было делать модные дамские блузки и рыболовные лески...

Половина второго ночи, на экране телевизора ласковое лицо диктора, заботливый голос: «Вы еще не спите? Страдаете от бессонницы? Это очень, очень огорчительно, но не отчаивайтесь,

купите таблетки...» Через двадцать минут: «Вы еще не спите?» — и т. д. Что значит забота о живом... бизнесмене!

На этом старом древе свободы качалось слишком много повешенных по суду Линча...

Мальчишка научился ловить на своем радиоприемнике сигналы советского спутника. С приятелей, которые хотят послушать, берет по одному центу. Газеты острят: самые низкие цены, самый дешевый бизнес в Америке!

Американец, услышав русский язык, довольно равнодушно осведомляется: «Давно из Москвы?» «Пятнадцать дней». Немножко удивления и повышенный интерес: «А назад собираетесь?» «Через двадцать дней». Радушная улыбка, вежливость, почтительность, как, пожалуй, ни к кому из европейцев, а после запуска спутника даже нескрываемое восхищение. В конце обязательно вздох: «И чего наши там, в ООН, сражаются? Договариваться надо!..» Первое время мы удивлялись: почему такая последовательность вопросов и настроений? Оказалось, чтобы выяснить, не эмигрант ли... К эмигрантам отношение, как к американцам, но третьего или четвертого сорта — никакого интереса.

Когда в Литл-Роке, штате Арканзас, на почве расизма начались беспорядки, генерал, командовавший войсками штата, призвал к себе репортеров, фотографов и кинооператоров и сказал, что если они попытаются что-нибудь снимать и писать, невыгодное губернатору и ему, генералу, он «найдет, что с ними сделать».

— А свобода печати? — спросили у генерала.

— Вы свободны, пока подчиняетесь мне, — ответил генерал.

Триста тридцать семь американских пасторов согласились благословить применение атомной бомбы, «чтобы остановить коммунизм»... О христово воинство с термоядерными кадилами!

...Есть в этом городе районы, вечером похожие на чистилище: на улицах темно, в кабачках, где тусклые лампочки завернуты в сигаретный дым, возникают и пропадают тени плохо одетых людей; на тротуарах пьяные и нищие пристают к прохожим. Два года назад я думал о Нью-Йорке гораздо лучше, но тогда мы не ходили пешком, а ездили по туристским маршрутам, сопровождаемые тремя нянями в брюках...

Забавное интервью.
— Вы кто по профессии?
— Фотограф.
— Что вы думаете о спутнике?
— Очень быстро летит, трудно снимать... Я работаю в ателье, на неподвижных объектах!

По телевидению идет фильм с «летающими тарелками»... Считается, что теперь, после запуска спутника, поверят во что угодно!

Министром обороны США стал босс мыловаренной промышленности. Американцы острят, что именно поэтому Джон Фостер Даллес и надеется сделать атомную бомбу «чистой»...

Баллистическая ракета и спутник сократили, очевидно, приток американских даяний монархической газетке «Россия». Редакция призывает читателей к подаяниям, вещая: «Все великое и величественное на святой Руси создавалось лептами вдовиц да копеечными желтого воска свечами в церквах». Газета слезливо хнычет: «Если закроется «Россия», где же мы будем изливать всю желчь и досаду?»

На авиационных трассах для тех, кого мутит, существуют бумажные мешочки... Гораздо дешевле и не требует полиграфии!

В Америке в моде мех леопарда. Натурального меха мало и дорог; по Нью-Йорку, как по искусственным джунглям, ходят симпатичные искусственные леопардихи...

Американцы хорошо организуют строительство новых домов: на каменном фундаменте быстро и точно сваривются стальные конструкции, по мере возведения очередного этажа бетонируются перекрытия. Перед каждой стройкой на большом щите — рисунок здания, каким оно будет в окончательном виде... Глядишь и думаешь: если бы строители вели столько разговоров и споров по каждой детали, как некоторые деятели ООН по проблеме разоружения, ни одно американское здание не было бы закончено к концу столетия!

Когда из Нью-Йорка начал наступать азиатский грипп, все газеты рекламировали новую вакцину от этой болезни. Прошло пятнадцать дней, и в газетах разразился скандал в связи с тем, что вакциной торговали на черном рынке, а в клиниках ее не было. Потом протекло еще двадцать дней, и те же самые газеты сообщили: в одной из клиник вакцину против гриппа привили сорока семи сотрудникам, из них заболели гриппом сорок пять... После этого нью-йоркцы стали по советам врачей пить как можно больше воды и принимать обыкновенные таблетки.

Антигриппозный бум кончился.

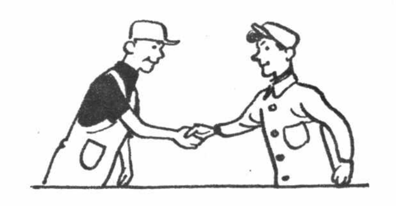
Шарж в газете: земной шар, на нем в рабочем комбинезоне стоит Н. С. Хрущев, в руках клюшка для гольфа. Поднял над головой спортивную каскетку, улыбается: «Привет!» А в небе над ним мчится спутник. Смысл шаржа: в гольф любит играть Эйзенхауэр — и на этот раз проиграл с крупным счетом.

Министр финансов Ганы К. Е. Гбедемах с год назад принимал у себя вице-президента Никсона. А когда сам он попал в США и ехал через штат Делавэр, его не пустили в ресторан Хауэрда Джонсона: «Неграм здесь не подают...» Тем не менее несколько дней спустя мистер Кэбот Лодж произнес в ООН очередную речь об американской демократии, о правах человека и высшей справедливости...

Старожилы предупреждают: не обнаруживайте в магазинах, что у вас есть больше двадцати долларов наличными, — могут ограбить при выходе или воткнуть нож в спину на улице... Что ж, похоже. На Парк-авеню, улице, где размещено множество иностранных представительств и почти у каждого подъезда по полицейскому, в конце одной недели ограбили на четверть миллиона ювелирный магазин, а в начале второй — заезжую артистку. В антракте в Сентрал-парке ранили представителя Непала в ООН и отобрали девяносто долларов... Как говорится, жизнь бьет ключом!

Газеты сообщают, что «космополит номер один» Гарри Дэвис, несколько лет назад объявивший себя «гражданином мира» и предавший анафеме всякое национальное чувство и суверенитет, арестован в Париже за кражу. При обыске у него нашли украденные принадлежности дамского туалета на сумму в 47 долларов...

Американцы, простые люди, часто спрашивают нас, как мы к ним относимся. Мы желаем всем народам добра и хорошего будущего, американскому народу — тоже. Средний американец, если он не занимается профессиональной политикой в госдепартаменте или крупным бизнесом, — человек простой, не без изрядного добродушия, и к нему невольно испытываешь симпатию... Да, мы желаем американцам добра, но пусть они того же как следует пожелают себе сами!

Пьер ГАМАРРА

Рисунок А. Лурье.

Золотая гвоздика

Рассказ

Дети больше не умирали. На их защиту отныне были поставлены вся наука и замечательные машины, созданные человеческой изобретательностью. Дети больше не умирали. Они не могли больше умирать.

Все, о чем мечтали поэты и писатели предшествующих эпох, мало-помалу было реализовано, начиная от движущихся тротуаров в городах и кончая несущимися с головокружительной быстротой ракетами. Люди научились выращивать хлеб на полюсах и в Сахаре. Делали сахар из мела. Никто не голодал. Полученный из кусочка расщепленного каменного угля свет заливал города. Человек шагнул уже на Луну, да и другие планеты стали ближе к Земле в результате бесконечной любознательности ее обитателей.

Под небом любых широт человек производил дождь и управлял погодой. Войны прекратились. Прежнее кровавое соперничество государств уступило место соревнованию конструкторов, поэтов, спортсменов. Промышленная продукция всех народов встречалась в пространствах. Трюмы ракет ломились от кукурузы, риса, апельсинов, тканей и оборудования, американского мяса, сибирского хлеба, французского вина. Все земные плоды пересекали границы государств от Чили до Гренландии и от Бордо до Ванкувера. Фрукты мангового дерева и земляника, сирень и розы имелись во все сезоны года, пряности, шелк, металлоизделия, машины пересекали меридианы во всеобщем великодушном смешении. Но самым замечательным во всем этом было то, что дети больше не умирали. Ни один из поэтов и романистов предшествующих столетий не мог даже и мечтать об открытии подобного рода: дети не могли больше умирать — ни во чреве матери, ни в своей колыбели, ни в расцвете их жизни...

Конечно, позднее, с возрастом, смерть уносила человеческие жизни. Однако благодаря безграничному прогрессу медицины и хирургии срок ее был отодвинут. Тем не менее человек все-таки был вынужден умирать.

Но в вопросе о детях, чье юное тело и кровь еще сохраняют первоначальную свежесть жизни, не было другой более важной проблемы, чем проблема борьбы со смертью в ранние годы. И для людей того времени не было большей славы, чем сказать: наши дети живы, они живут, мы даем им жизнь, и мы сохраним им все, что им дали, — стройное тело, гибкие члены, ясное зрение, здоровое сердце, уверенное обладание этими сокровищами.

Конечно, имелись и исключения. Это были или неуловимая форма малоизвестной болезни, или несчастный случай, которого ни радарные установки, ни электрическое око не смогли устранить... Иногда все же это случалось...

* * *

В конце июля текущего года стало известно, что один парижский мальчик страдал от неизвестной лихорадки. Новость была объявлена в газетах и по телевидению, но никого особенно не взволновала. Публика сохраняла доверие к медицине. Она не боялась нисколько. Она знала, что если ближайший Медицинский центр не найдет средств, он обратится к Национальному центру, который поднимет на ноги всех своих исследователей и ученых лаборатории. Иностранные лаборатории, академики и все заинтересованные лица будут предупреждены автоматически. Следует сказать, однако, что это был период каникул и конец всемирного футбольного матча. Прошло несколько дней. Сообщение, опубликованное вначале на внутренних страницах газет, перекочевало на первые страницы, предназначенные обычно для новостей культуры или науки первостепенного значения. Сначала оно занимало первые две колонки, потом три и содержало следующее объявление:

Юный парижский школьник все еще болен.
Наши ученые скоро закончат исследование.
Мнение профессора Робинсона.

В статье сообщалось, что юный Леопольд был подвергнут длительное время исследованию под наблюдением знаменитого профессора Робинсона и группы врачей из Национального французского центра. Ребенок почти совершенно не ел, сохранял ясное сознание и, казалось, не очень страдал. Ни один, абсолютно ни один из органов его тела не был затронут. Но лихорадка постепенно усиливалась, и никакими средствами до сих пор не могли ее побороть. Тем не менее профессор Робинсон верил в благополучный исход. Телевидение продолжало передавать интервью с различными светилами медицины и сведения о семье П., семье трудящихся, не имеющих ничего необычного в своей биографии. Отец, мать, старший брат отличались завидным здоровьем.

На следующий день лихорадка усилилась, она сопровождалась легким бредом. Президент Медицинской академии из Тбилиси Николай Джиенадзе, находившийся в отпуске на Бермудских островах, вскочил на первую пролетающую ракету, чтобы поспешить к изголовью юного Леопольда. Выдающийся американский биолог Уильямс покинул Северный Китай, где он занимался научными исследованиями, чтобы немедленно оказаться в Париже.

Первые дни августа прошли в ожидании. Лихорадка продолжалась. Джиенадзе и Уильямс еще не поставили диагноза. Стало известно только, что весьма обстоятельные доклады были посланы бригадам компетентных специалистов, а именно в Риме и в Сант-Яго. Знаменитый бразильский ученый Артур Бенедетти, который должен был принять участие в третьем путешествии Земля — Луна, отказался от этой поездки, чтобы присоединиться к консультациям, происходящим между Робинсоном, Джиенадзе, Уильямсом.

Специальные корреспонденты мировой прессы прибывали в Париж. Отныне уже на шести колонках газет, как в Милане, так и в Нью-Йорке, читали:

Новое повышение температуры.
Диагноз еще не поставлен.

18 августа впервые заговорили о золотой гвоздике.

* * *

Одновременно с медицинским исследованием проводился тщательный опрос людей, знавших Леопольда. Во всех деталях было установлено времяпрепровождение юного школьника за неделю, предшествующую его болезни. Ничего ненормального не было открыто в его поведении. Леопольд в обычное время приходил в школу, в хорошую школу, где количество учеников первого класса не превышало пятнадцати человек, на спортивную площадку, в бассейн и в кислородный кабинет. Школьный врач, социальный совет, санитарка и даже сам учитель заявили вначале, что ничего необычного они не заметили в занятиях и играх ребенка. Однако, несколько поразмыслив, учитель счел своим долгом заявить, что он заметил какое-то возбуждение у школьника во время недавнего урока географии, точнее, во время демонстрации фильма, который сопровождал урок. Показывался старый кинофильм, посвященный описанию пустыни Гоби. На экране можно было видеть различные места пустыни еще до тех работ, которые превратили ее позднее в плодороднейшую территорию земного шара. Один из путешественников — герой фильма —

открыл (это было показано мимоходом) что-то вроде песчаной гвоздики блестяще-желтого цвета с редкостно-тонким ароматом. Он окрестил ее золотой гвоздикой. К сожалению, ни один из образцов ее не сохранился и не был привезен для изучения ботаниками и возможного выращивания садоводами.

Учитель добавил, что юный Леопольд засыпал преподавателя вопросами об этой золотой гвоздике. Находились ли когда-нибудь другие экземпляры? Можно ли посмотреть на нее в саду акклиматизации в Париже или в ботанических садах где-нибудь в другом месте? Директор школы, проводивший урок географии, ничего не знал об этом растении и ответил на вопросы уклончиво. Ребенок выглядел разочарованным. Однако было бы неверно сделать из этого вывод, что этот незначительный факт неудовлетворенной любознательности ребенка явился причиной его заболевания.

Пресса, публиковавшая сообщения о болезни Леопольда, не останавливалась на случае с золотой гвоздикой.

Состояние ребенка не улучшалось. Его удавалось довольно прилично кормить. Несмотря на обманчивый лихорадочно-яркий цвет лица, глаза его были подернуты какой-то пеленой безразличия. Он пытался улыбаться своим родным, врачам, а потом вновь впадал в какую-то грустную дремоту. В минуты бреда он произносил лишь одно: «Золотая гвоздика... золотая гвоздика... золотая гвоздика...».

Один из журналистов опубликовал сообщение об этом. Другой решительно заявил, что единственное спасительное средство заключается в этом таинственном крохотном цветке.

Врачи продолжали консилиум, а в это время в лаборатории растительной анатомии и в музеи всего мира были отправлены письма с просьбой сообщить, нет ли у них цветка, похожего на золотую гвоздику. Специалисты-психопатологи занялись изучением данного случая.

Вдруг от столицы к столице мира начала распространяться страшная новость: наука признала себя бессильной. Врачи оказались не в состоянии установить название болезни и причины ее возникновения. Были испробованы без твердой уверенности в их эффективности все возможные лекарства. Напрасный труд, ребенок умирал. И в минуты бреда снова возникали короткие слова его затаенного желания, того, что он принимал за свое желание: «Золотая гвоздика...».

Последнее решение врачей: во что бы то ни стало найти этот цветок и доставить его ребенку.

Посоветовались с режиссером кинофильма и его ассистентами. В результате были снаряжены три специальные ракеты, немедленно умчавшие в пустыню Гоби группу опытнейших ботаников. Копии фильма были разосланы во все страны мира.

Никто не знал эту гвоздику. Ни один из ученых ее не находил, не описывал, не окрестил по-латыни, не отнес к определенному семейству растений. Сохранился лишь этот образец на пленке, образец смутный и неопределенный. Гвоздика ли это?..

Там, где когда-то ее открыли, были теперь дома, электрическая станция, полные цветов и фруктов сады. Никакой атласно-желтой гвоздики с редкостно-тонким ароматом здесь не было...

Был ли это цветок гор или долин? А может быть, одно лишь семечко было занесено ветром с морских берегов?

Академики географии и геологии произносили речи. Ассоциации исследователей готовили новые экспедиции. Их призывы и послания встречались в воздушных пространствах. Электронические мозги счетных машин разбирали миллионы и миллионы карточек. Все семейства гвоздичных растений прошли через механическое сито проверки.

Больной ребенок говорил уже слабым, еле слышным голоском. Его белая, почти прозрачная ручка поднималась из простынь как бы для того, чтобы начертить расплывчатые очертания изогнутых лепестков и чашечки цветка. Пробовали ему показывать цветы: различных сортов гвоздики, маленькие шафранно-желтые розы, сверкающие тюльпаны. Он не ошибался ни разу, делал пальцем знак: нет, нет... Он хотел иметь гвоздику из далекой пустыни, золотисто-атласный цветок с едва различимым нежным ароматом, неведомое чудо.

Садоводы принялись за научную работу. В оранжереях, где каждое время года следовало одно за другим с невероятной быстротой, пытались создать заново золотую гвоздику. Ребенок поднимал слабенькую ручку, и его палец двигался слева направо, означая: нет, нет, это не тот цветок, не тот...

Смерть приближалась к ребенку. Весь мир дрожал за него. Ракеты, автожиры, летающие снаряды и трубы гудели над горами и долинами. Люди спускались в глубокие расщелины, вскрывали старые, заброшенные шахты. И уже храбрейшие из них вынашивали проекты безумно смелых внепланетных путешествий: семечко этой гвоздики, говорили они, покинуло Землю; одна из дальних планет приняла его. По их мнению, следовало искать таинственный цветок в бесконечном космическом пространстве.

* * *

К концу августа ребенок совсем ослабел. Однажды утром, когда он очнулся от своей дремоты, мать склонилась над ним. Сердце бедной женщины разрывалось от горя. Она не знала больше, к какому лекарству прибегнуть. С безумной и вместе с тем единственной уверенностью матерей она шепнула ему:

— Успокойся! У тебя будет золотая гвоздика! Она скоро прибудет...

— Она скоро прибудет? — спросил Леопольд тихонько.

— Да, будь спокоен, она скоро здесь будет,— сказала мать.

А сама думала: что это за болезнь такая? Откуда появилось у него это безрассудное желание, разрушающее его здоровье? И она принялась рассказывать ему шепотом о тех, кто ходил, ездил, летал, плавал в поисках его цветка...

— Ты будешь его иметь, я в этом убеждена!..

В глубине души она бросила вызов смерти. Она испытывала одновременно страх и мужество матерей всех времен и эпох, тех матерей, которые растили, баюкали, лелеяли своих детей и тысячи тысяч которых воочию наблюдали гибель плоть от плоти своей и кровь от крови своей.

В комнате было тихо. Звуки улицы и летняя жара остановились за ее стенами. Ребенок грезил о далеких пространствах и о людях, пересекавших во всех направлениях ради него землю в поисках цветка, аромат которого легче, чем дуновение морского ветра...

* * *

Внезапно открылась дверь. Кто-то вошел в комнату. Золотой отблеск упал на простыни, лицо и руки ребенка. Он открыл изумленно глаза.

Кровать была засыпана цветами. Это были его гвоздики, те, о которых он мечтал, о которых он думал. Ему хотелось иметь только одну гвоздику, а ему бросили целую охапку. И они шли и шли со всех концов света, сорванные исследователями, учеными, путешественниками, моряками, водителями ракет и людьми других профессий, воссозданные терпеливым трудом садоводов-селекционеров... Так неистовое желание ребенка пробудило силу людей, и эта сила способна была сделать еще больше, чтобы спасти последнего больного ребенка.

Леопольд взял гвоздику, поднес ее ко рту и улыбнулся. Иной блеск, чем блеск лихорадки, засветился в его глазах.

— Это тот цветок! Я узнал его!

Он глубоко вздохнул от радости. Мать ласкала его лицо. Злая лихорадка должна была теперь исчезнуть, мать знала это, была в этом уверена.

Стемнело. Ребенок погрузился в глубокий сон, в спокойные грезы. В комнате остались лишь спящий ребенок, мать и какие-то смутные тени, исчезающие в золотистом сиянии цветов.

Перевела с французского
Нина СУЛЬЕ.

С. Н. Сергеев-Ценский.

Н. Грибачев.

Б. Зубавин.

Т. Тэсс.

П. Бровка.

А. Малышко.

А. Сурков.

П. Кравченко.

И. Ирошникова.

Г. Боровик.

Н. Драчинский.

П. Пинкисевич.

Л. и Ю. Черепановы.

Дм. Бальтерманц.

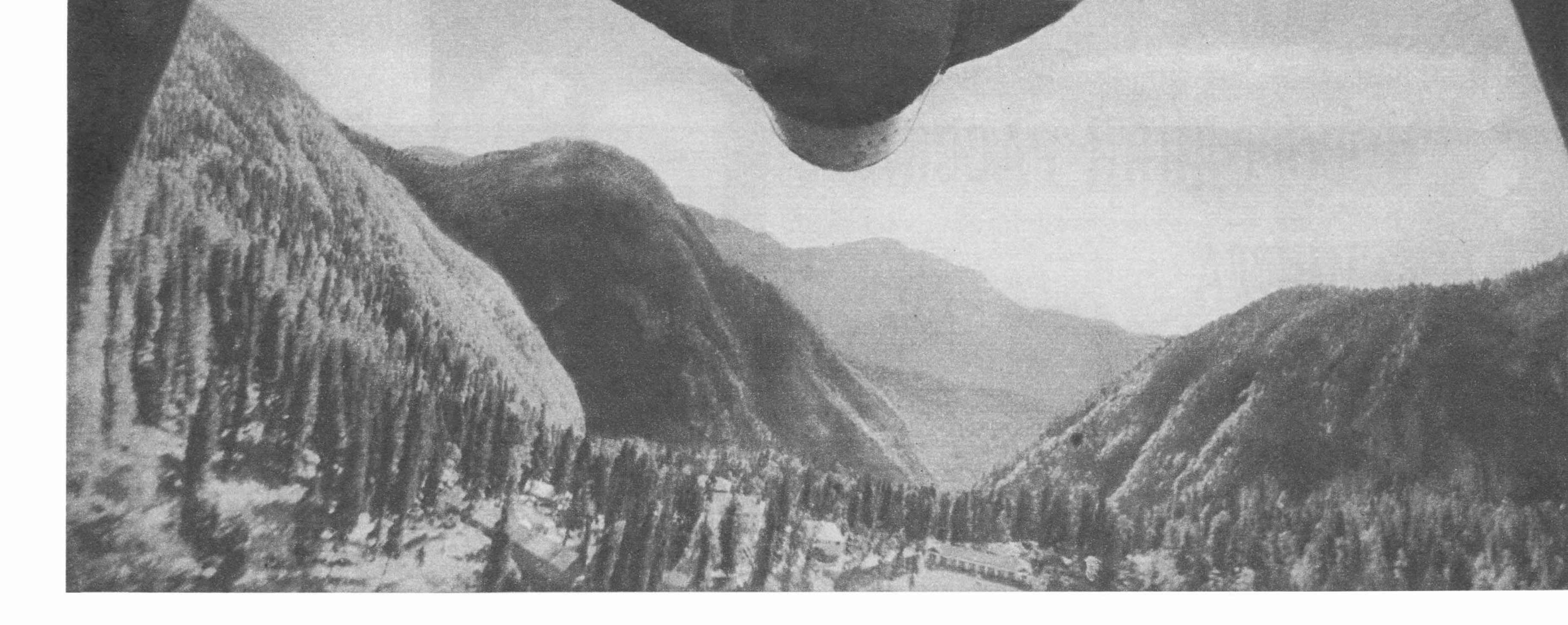

Б. Кузьмин.

И. Тункель.

Премии журнала «Огонек» за 1957 год

Редакционная коллегия «Огонька» отметила ежегодными денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1957 года. Премированы авторы:

С. Н. Сергеев-Ценский (этюд к эпопее «Преображение России» — «Ленин в августе 1914 года», № 42), Н. Грибачев (рассказ «Кто умрет сегодня», № 20), Б. Зубавин (рассказ «После звонка», № 24), Т. Тэсс (рассказ «Цей Мозамбик», № 45), П. Бровка (стихи «Сто лет», № 45, и цикл «Из новых стихов», № 49), А. Малышко (стихи «Лирика», № 30), А. Сурков (стихи «Восток и Запад», № 13), П. Кравченко (очерк «Что такое сто гектаров», № 28), И. Ирошникова (очерк «Это было в Одессе...», №№ 46, 47, 48), Г. Боровик (очерки «Бирма, 1957 год», №№ 36, 38, 39, 42), Н. Драчинский (очерки «Внутри Африки», №№ 28, 32, 34), П. Пинкисевич (рисунки к этюду С. Н. Сергеева-Ценского «Ленин в августе 1914 года», № 42, и рисунки к повести А. Рекемчука «Все впереди», №№ 27, 28, 29, 30), Л. и Ю. Черепановы (изошутки, №№ 18, 25, 46), Дм. Бальтерманц (цветное фото «Рыбачка Чжэн Я-жун», № 2, и фотографии по Китаю, №№ 17, 18), Б. Кузьмин (фото «Первая затяжка после ночной смены», № 52), И. Тункель (цветные фото по Узбекистану, № 43).

Кадр из фильма—кинопанорамы «Широка страна моя...». Режиссер-постановщик — Р. Кармен.

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ КИНОПАНОРАМА

Р. КАРМЕН,

заслуженный деятель искусств РСФСР

Еще живы в нашей памяти маленький зал кинотеатра, усталый тапер, выстукивающий на разбитом пианино вальсы и галопы «музыкального оформления» фильмов. Помним мы, как появился долгожданный звук, как заговорил, зашумел «великий немой». Затем мы остро ощутили необходимость цветного кинематографа, провозвестником которого был красный флаг на мачте эйзенштейновского «Потемкина». Цвет пришел в кино и порадовал зрителя, по-новому увидевшего мир в многокрасочной гамме экрана.

Но тогда оказалось, что экран тесен, необходимо раздвинуть его рамки. Выяснилось, что плоскому звучанию нужно придать объемность. Так возник широкоэкранный кинематограф, вслед за которым пришла кинопанорама с подлинно стереофоническим звуком.

Что же прежде всего отличает кинопанораму от обычного и широкоэкранного кино? «Эффект присутствия!» Зритель, сидя в зале и глядя на гигантский сферический экран, ощущает себя... участником событий и явлений, происходящих перед ним. Мчится по горной дороге машина — зритель хватается за поручни кресла и невольно клонится в сторону на крутом повороте. У зрителя легкое головокружение, когда самолет на экране входит в крутое пике. Зрителя «покачивает» на морской волне, он ощущает свое присутствие в многоголосой уличной толпе...

Как же достигается этот поразительный эффект? Съемка производится тремя кинокамерами, соединенными в один синхронно работающий агрегат, охватывающими угол зрения около 150 градусов. При проекции на огромном вогнутом своими краями в зрительный зал экране изображения совмещаются. «Эффект присутствия» в значительной мере определяется и стереофоническим звуком, «окружающим» зрителя (исходящим из репродукторов, расположенных во всех частях зала).

Примером стереофонии может послужить такой кадр: съемочная камера (а вам кажется, что это вы, то есть зритель) проносится под мостом, по которому проходит поезд. Вы слышите шум поезда сначала перед собой, потом колеса грохочут над вашей головой, и звук этот затихает за вашей спиной в репродукторах, расположенных на задней стене зрительного зала.

Усилия конструкторов, инженеров, механиков, создававших наше отечественное панорамное кино, были сосредоточены в Научно-исследовательском кинофотоинституте (НИКФИ). Руководимая профессором Е. М. Голдовским, большая группа научных работников в сотрудничестве с предприятиями киномеханической и оптической промышленности за очень короткие сроки создала отличную съемочную и проекционную аппаратуру. Первый экспериментальный ролик был снят под руководством режиссера К. Домбровского. Возник вопрос о создании первого полнометражного фильма-кинопанорамы. Одновременно в центре Москвы началось строительство первого в Советском Союзе кинопанорамного театра.

Первый фильм-кинопанорама «Широка страна моя...» был нами задуман, как документально-видовой, публицистический рассказ о нашей стране, о достижениях советского народа за годы Советской власти, о красотах нашей Родины.

Нам не хотелось оглушить зрителя утомительными аттракционами, подобно американцам, которые в своей «синераме» доводят зрителя порой до тошноты.

Первые же съемки убедили нас в том, насколько не проста будет задача освоения кинопанорамы.

Нам говорили: природа кинопанорамы не допускает статичного кадра! Кинопанорама — это движение! Но когда мы просмотрели первые съемки, произведенные с мчащегося автомобиля, стало ясно, что нельзя на протяжении всего фильма заставлять зрителя мчаться, ездить, летать. И тут же, сняв планы Москвы и Ленинграда с верхних точек, мы убедились, какое сильное, необычное впечатление может произвести такой «статичный» кадр, поражающий масштабностью, монументальной широтой и далью.

А как быть с крупным планом человека? Не затеряется ли он на гигантском полотне экрана? И здесь были свои поиски, неудачи, находки. Где крепить камеру кинопанорамы на самолете: под брюхом или в носовой части? Какая из этих точек даст наибольший «эффект присутствия»? Как сгладить стыки между тремя изображениями? Как расположить микрофоны для достижения подлинной стереофонии?.. Все это лишь небольшой перечень творческих проблем, которые решались в процессе съемок.

Большим творческим риском, впоследствии оправданным, оказались многие съемки, произведенные операторами В. Рыклиным и Г. Хольным. В содружестве с режиссером З. Фельдманом, руководившим съемками важнейших эпизодов фильма, операторы добивались высокого изобразительного качества, сюжетной законченности. Подлинным смелым новаторством отмечены авиационные съемки оператора С. Мединского.

Каким образом заставить зрителя совершить проезд по огнедышащему мартеновскому цеху, промчаться на стремительном глиссере по волнам Черного моря, пролететь на спортивном самолете по горному ущелью, чуть не задевая крылом лесистого склона горы, и выскочить на бреющем полете на голубой простор озера Рица?

Большого труда стоила рискованная съемка на бурных порогах горной реки Тиссы в Закарпатье. Камера кинопанорамы была установлена на несущемся по реке плоту, за спиной отважных плотогонов. От сильного удара подводного валуна плот чуть не разлетелся, оператор и его ассистенты чудом удержали громоздкую камеру от падения в кипучий водоворот.

В Магнитогорске камера была установлена на вагонетке электропоезда с рудой. Внезапно, на ходу, мы обнаружили, что перед приближающимся виадуком провод высокого напряжения начинает опускаться и вот-вот коснется нашей камеры. Машинист электровоза, оглянувшись, увидел наши отчаянные сигналы. Он предотвратил несчастье, резко затормозив состав в момент, когда провод был уже в нескольких сантиметрах от камеры.

Вместе со съемками шел и монтаж фильма. Каждая съемка из проявочной машины шла на монтажный стол и оживала на экране, пройдя через руки режиссера монтажа М. Минаевой. Трудно себе представить сложность и кропотливость одновременного синхронного монтажа трех пленок! Строки стихотворного текста иногда тут же, в просмотровом зале, писал автор сценария нашего фильма поэт Евгений Долматовский. Его стихи в процессе монтажа фильма сливались в единое целое с изображением и музыкой, над которой работали композиторы К. Молчанов и В. Кнушевицкий.

Магнитные записи человеческой речи, рокота машин, самолетных моторов, смеха и песен, записанных в гуще фестиваля, плеска морской волны и шума водопада, записанного на плотине Куйбышевской ГЭС, кропотливо сводил в сложнейшие комплексы стереофонической фонограммы звукооператор К. Бек-Назаров...

Первый советский фильм-кинопанорама закончен производством. Коллектив Московской студии научно-популярных фильмов и съемочной группы выполнил свое обязательство.

Впереди — новые фильмы. Они будут созданы нашими товарищами, которым мы передадим эстафету первого опыта.

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ КЕННЕТА ЛЕСЛИ

Галина ШЕРГОВА

Новогоднюю ночь хочется проводить с друзьями, держа руки тех, кто живет в твоем городе, и думая о тех, кто за тридевять земель от тебя. Хочется представить: в разных концах планеты поднимаются с бокалами люди, чтобы сказать добрые слова о нашей Родине или просто тепло рассказать о ней своим согражданам. В эту ночь я вспоминаю и канадского священника Кеннета Лесли.

Он такой же, каким был месяц назад в Москве,— высокий, прямой, лукавый и темпераментный, не уступающий ни противникам, ни трудностям, которые осаждают его почти шесть десятилетий.

Последний вечер Лесли в Москве мы провели вместе. Он рассказывал о себе, о своем городке Элмсдейл. Как все настоящие поэты,— а Кеннет Лесли был им,— он говорил зримо. Оттого сегодня передо мной новогодний Элмсдейл встает отчетливо, как если бы я побывала там.

Вижу, как гусиные перья инея липнут к окнам, повторяя многоцветье елочных огней в домах: елки не погашены с рождества. Слышу скрип шагов по тротуару, строгий и четкий, как кожаный скрип военной портупеи, и узнаю шаги — это канадский священник Кеннет Лесли идет сквозь новогоднюю ночь, чтобы принести в каждый дом доброе слово.

Во время нашей беседы в Москве я узнала о нем многое — о нем, поэте и бойце, всю жизнь борющемся за людское счастье, за мир на земле. Его слово служило людям, сражавшимся с фашизмом, с американскими бомбами над Кореей; оно дышало правдой о моей Родине, о новом Китае, о Венгрии. Оно шло к людям, это слово, со страниц редактируемого Лесли журнала, из строф его стихов, с кафедры проповедника.

О Лесли я знала многое. Но мне хотелось узнать, о чем он расскажет канадцам, вернувшись из Москвы. Он сказал, что будет выступать с рассказами о Советском Союзе.

И Кеннет Лесли произнес передо мной эту будущую речь, полную страсти и стихов, ибо без стихов он не говорит.

И сегодня, в новогоднюю ночь, я словно вижу толпу горожан Элмсдейла и заново слышу речь Кеннета Лесли, повторяющуюся слово в слово:

— Мне было трудно в Москве. Трудно, потому что я говорю на том же языке, что и Черчилль, пытавшийся убить эту страну еще в колыбели. Я приехал с того же континента, где некоторые безумцы пытаются утопить в ненависти само слово «Россия».

Я видел в России новые города и грандиозные заводы. Но я видел, что еще многим там не хватает просторного жилья, что еще не все живут легко. И тогда мне захотелось просить прощения у этих людей. Просить прощения за то, что есть люди, говорящие на одном со мной языке, которые не давали и не дают им жить спокойно и мирно — без памяти о войне и без опасений перед войной. Но я буду вновь и вновь говорить о том, что среди людей моей нации есть тысячи и миллионы жаждущих работать с ними рука об руку.

И Лесли показывает на стоящих в толпе:

— Ведь это так, Смит? Так, Джонсон? Так, Джеймс?

И стоящие в толпе повторяют: «Так».

— Двенадцать лет назад в одной из своих статей я писал о том, что надо мирно сотрудничать с Россией. Г-н Дан из госдепартамента США ответил мне, назвав эту идею плодотворной. Но у госдепартамента ветхая память. Теперь он кричит о «красной силе», «красной опасности». Я не видел в России «красной опасности». Нет, Россия спокойна и мирна. Она вся похожа на ту женщину, что в одной из рабочих московских квартир, улыбаясь, встретила меня, протянув мне стакан домашнего кваса.

Но «красная сила» существует. Существует, даже полностью не ощущаемая советскими людьми. Мир видел ее дважды. Первый раз она звалась «Сталинград», второй раз — «Спутник».

И забывающие об этой силе забывают, что руины войны лягут по обе стороны от линии фронта.

Но мы не думаем об этом. Ты, Смит, идешь на свой авиационный завод, и встаешь к станку, и строишь самолет, потому что тебе платят за это жалованье. И ты не думаешь о том, что твой самолет повезет бомбы. Ты не задумываешься. Нам всем прежде всего нужно научиться думать. Думать. Думать и слушать все голоса мира, а не только истерические вопли радио, кричащего об уничтожении коммунизма. Вы слышали голос, звонкий и чистый, который пришел из межзвездных бездн,— голос Спутника. Он властнее этих истерических хрипов. Я слышал в России голоса детских хоров и песни праздничных демонстрантов. Я принес их вам, потому что в них и ваше спокойствие.

Какие слова нужны в защиту ясной истины о том, что нельзя убивать миллионы живущих и работающих, которые желают жизни и тебе?

Я не могу вам подробно рассказать о России: чтобы узнать ее, нужно пожить там. Но я могу говорить о своих чувствах. Они не обманут этой страной.

...Тогда кто-то из прихожан произносит тихо, и в голосе его теплятся сомнения:

— Все это верно, отец Лесли, но ведь у них нет религии. Как же жить без веры?..

Кеннет Лесли в Оружейной палате.
Фото А. Соловова.

И Кеннет Лесли говорит, обращаясь к нему и к стоящим рядом, ко всем:

— Ты не одинок, Браун, в своем заблуждении, отождествляя «веру» и «церковь». Хотя и церкви есть в России.

Во что же верит Запад? В «свободную» инициативу! Иметь лучший автомобиль, два автомобиля, три. Лучший дом, два дома. Для Меня. Лучшую школу — для Моих детей. Даже пусть у человека рядом не будет дома и школы для его детей.

Вера России говорит: Мы. Но в этом «Мы» — величие индивидуума. Это азбучно для них и еще не постигнуто нами.

Я не экономист, друзья мои, дело экономистов складывать столбцы данных и сопоставлять их. Но я прожил долгую жизнь, которую не покидала вера в добро. Я служил этой вере с кафедры проповедника и на чистых листах бумаги, где мои стихи возникали из тенистых дебрей памяти и неоглядных просторов человеческого сердца. Я постиг одно: в нашем мире, мире капитализма, поэт изолирован от людей, он живет в одиночной камере. Но у нас поэт только тогда поэт, когда он, как непокорный узник, стучит в стену своей одиночки, чтобы этот стук стал эхом людского сердцебиения, сердцебиения многих людей. Пусть рука его устала, пусть она кровоточит, стертая о равнодушный камень, пусть она сломана — он обязан стучать и говорить о главном. Главное сейчас — не дать разразиться войне.

«Поэзия не станет
пропагандой» —
Так значится в сонетах и эссе.
«Бесплотность» слов —
сродни самой природе,
А что природе делать
с пропагандой?
...Но гитлеры — вещественны.
Они
Имеют плоть вещей,
земное наполненье.
Они встают, как камни, как
деревья,
Как наводненья из утробы бури.
Я говорю не только
о «великих» —
О малых гитлерах,
резвящихся со смертью.

Так неужели поэт, лепечущий о «невесомых, изящных созвучиях», о природе, которой противна «грубая пропаганда», может слепо не замечать этих реально существующих угроз для судеб мира? Неужели он вправе жить, только растворив свое сердце и память в рокоте моря и шелесте рощи?

Поэт, чья сущность легковесней
слов,—
Лишь пустозвон, не стоящий
вниманья.
...Нет! Ритм песни — в звуке
молотков,
Слагающих жилище человеку,
Способное давать тепло
сердцам.
Сегодня песни — мудрые
машины,
Они вольны повелевать
потоком,
Чтоб искру света высечь из
волны
И отослать на службу человеку.
Сегодня песни сторожат дома
От колыханий тени
античеловека.
И я твержу:
хорошие стихи —
Хорошая, ручаюсь, пропаганда.

— Да, слова поэтов, — продолжает Лесли,— так же значимы, как и их жизнь. И я увидел в Советском Союзе поэзию дел. Поэзию строительства, созидания, развития. Эта поэзия приведет за собой и слова и музыку.

Мы все повторяем евангельскую мудрость: «Вначале было слово». У советских людей слова приходят за делами, порождаемые делами. И это их бессмертная новая заповедь, и сейчас вера в нее даст им выстоять перед любыми трудностями и угрозами.

Мой долг, друзья мои,— учить и вас прекрасной науке стойкости, стойкости в борьбе за добро, против несправедливости и зла. Я говорю вам:

С дороги свернуть? Когда?
Никогда.
Сгибайся, гори,
Сломайся под ветром, быть
может,
Но стой.
Стой, перед силой, тебя
сокрушающей,
Стой,
Сгибайся во тьме!
На солнце гори!
Дрожи под шрапнелью
свирепого града,
Но стой.
Даже тогда, когда в память
твою
Вопьются коварные жала
сомненья,
Если первый побег твоей
юности
Будет подточен.
И только в конце, всем телом
рванувшись вперед,
Падай...
Но только — однажды...

* * *

В начале я сказала, что новогоднюю ночь я провожу с друзьями. С теми, кто живет в моем городе, и с теми, кого нет сейчас в нем. Сквозь колыхание снегопада я иду к ним и одним из первых встречаю Кеннета Лесли. Он идет, не сворачивая, не сгибаясь под атаками ветра,— высокий, светлый старик, давший мне сегодня снова прикоснуться к самому великому чуду, порожденному природой,— человеческому сердцу.

А. А. Казанцев. ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ ПЬЕСЫ А. М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

А. Ф. Костина. ВЫПУСКНОЙ ВЕЧЕР.

Агния БАРТО

Рисунки Е. Гурова.

Папа меня посадил на стул и сказал: «Имей в виду, ты должен расти честным, принципиальным и всегда находить в себе мужество всем говорить истинную правду. А не вилять, как, например, наш начальник товарищ Федоров». И мама тоже согласилась, что нельзя быть, как Федоров, что если ее сын будет, как Федоров, то она лучше сразу утопится. И я обещал, что буду всегда всем говорить истинную правду. Тогда меня они отпустили гулять.

А когда я пришел со двора, мамы не было. Я хотел отковырнуть лед на подоконнике и его немножко погрызть, а потом сказать маме прямо в глаза, что я лед съел. Но тут зазвонил телефон. Я взял трубку и закричал: «Алло... Никого нет дома... Кто спрашивает?» А там был дядя, он ответил: «Ты меня не знаешь, я Федоров». А я сказал, что Федорова знаю, он папин начальник и все время виляет. И что если я на него буду похож, моя мама утопится.

Федоров сначала удивился, а потом так меня благодарил! Он сказал: «Наконец-то я знаю всю правду, большое тебе спасибо, мальчик!»

Я папе передал, как мы с Федоровым хорошо разговаривали, как он был ужасно рад и меня благодарил за всю правду. Но папа вдруг схватился за голову и закричал на меня изо всех сил: «Как ты смел? Ты же меня зарезал! Я теперь никогда не выйду из этого положения! Кто тебя уполномочил говорить моему начальству такие вещи?» А мама заплакала и сказала, что она утопится...

ГДЕ ЖИВЕТ ГЕРОЙ!

Ура, у нас живет герой
В квартире семьдесят второй!

Не кто-нибудь — сам управдом
Принес такую весть.
И вот к герою мы идем
Взглянуть, какой он есть.

Узнаем мы, кого он спас,
Сниматься будем с ним.
— Мы делегация от нас! —
Ему мы объясним.

Вот мы стоим перед дверьми,
Друг другу шепчем:— Не шуми.
Нам открывает паренек,
Мальчишка лет восьми.

Он так обрадовался: — Ой!
Вы говорите, есть герой
В квартире семьдесят второй?

Постойте, может быть, мой
брат?
Он получил восьмой разряд,
Он метит в мастера!
А может быть, сестра?
Она проходчица в метро.—
Тут он прищурился хитро:

— Есть у нее жених!
Он лучший слесарь в гараже,
И в телевизоре уже
Показывали их.

— Ты что несешь какой-то
вздор,
Впусти нас лучше в коридор!

Но он стоит и мелет чушь:
— Ой, я забыл: соседкин муж
Мечтал героем стать.
Но он уехал на Урал,
У них больна свекровь...
Так всех жильцов он перебрал
И начинает вновь:
— Никита, может быть, герой?
Три дня вставал чуть свет,
Теперь всю рощу перерой —
Там шелкопряда нет.

А может, бабушка — герой?
Была когда-то медсестрой!..

— Пойми,— сказал один из
нас,—
У вас кого-то кто-то спас!
— Ну! — удивился паренек.—
Так это я как раз!

Маринку спас, сестру мою,
Чуть не попала в полынью,
Уже кричала «Караул!»,
Но я ей руку протянул.

Мы согласились: — Все жильцы
У вас, конечно, молодцы.
Но непонятно: кто герой
В квартире семьдесят второй?

Мы стали адрес проверять:
Дом 18, корпус 5.
Ошибся, верно, управдом,
Что здесь герои есть.

Кричит мальчишка: — Дело
в том,
Что это корпус 6!

— Тогда пришли мы не туда! —
Сказал один из нас.—
Не в этом корпусе тогда
Кого-то кто-то спас!
Не в этом корпусе герой
В квартире семьдесят второй!

А паренек кричит: — Привет!
У нас пока героя нет,
Но он появится вот-вот,
Вы к нам зайдите через год!

ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОГО НОВОРОЖДЕННОГО

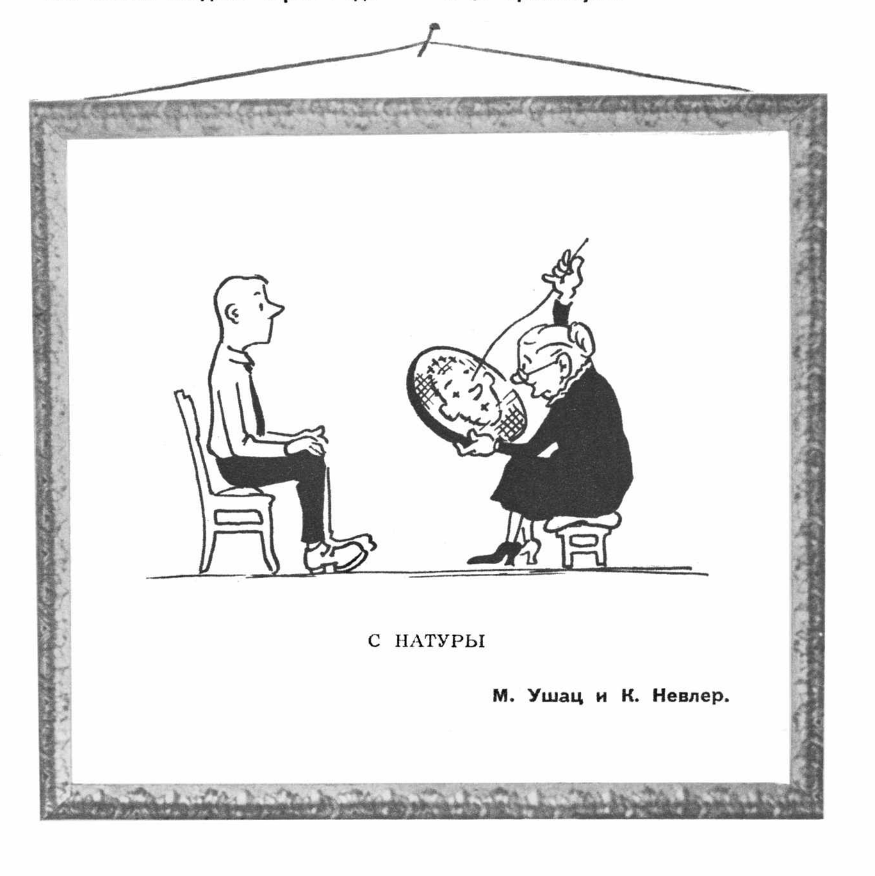
Мой папа писатель. И он очень обрадовался, когда я родился. Потому что он как раз договор заключил с детским издательством, и ему для книжки нужен был образ положительного грудного ребенка. И моя мама тоже была очень рада, что у нее есть сын. Она сказала, что теперь папе не нужно будет брать командировку в детский сад, он сможет дома меня наблюдать.

И все было хорошо: я рос, а папа меня изучал и отражал в детской литературе. И критика меня хвалила, что я не искажение, а типический грудной ребенок. И мама говорила, что я молодец, что из меня уже получилось четыре печатных листа.

А теперь папа мной недоволен, потому что я какой-то бесконфликтный. Ничего острого из меня не вытянешь! Ну, я подерусь с кем-нибудь или нагрублю... Но это все мелкие недостатки, а папе нужны покрупнее.

Папа говорит, что ему не повезло. Вот у одного драматурга двое детей, один другого хуже, он их в свою сатирическую комедию недавно вставил, и критика была довольна: сразу видно, что писатель знает свой материал!

Ну, ничего, это я сейчас пока мелкий, я скоро стану постарше, покрупнее, я тогда своему папе еще пригожусь!

С НАТУРЫ

М. Ушац и К. Невлер.

Борис ЛАСКИН

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Вы можете, если вам угодно, обвинить меня в нескромности, но я все-таки скажу, что на людей, с которыми мне приходилось встречаться, я, как правило, производил впечатление. Я нередко слышал, что меня называли «работягой», «настойчивым малым», «настоящим ученым». Но поскольку у нас вполне откровенный разговор, я вам признаюсь, чаще всего и по преимуществу из женских уст я слышал такую фразу: «Боже мой, ну до чего же вы нескладный!» Не обижался я по двум причинам: во-первых, в этом была изрядная доля истины, а во-вторых, фраза эта неизменно произносилась со вздохом сочувствия и милой улыбкой.

По профессии я математик, доктор наук. Читаю лекции в институте. Мне стукнуло тридцать шесть лет. Я не был женат. Друзья считали, что в моем возрасте пора обзавестись семьей, и это было бы так же естественно и всем понятно, как, скажем, то, что для вычисления определенного интеграла нужно знать лишь первообразную функцию.

То, о чем я вам собираюсь рассказать, началось с обыкновенной новогодней елки. Теперь я уже и не помню, кто подал мне идею. Да это и неважно. Важно, что я ею воспользовался и — дело прошлое! — отнюдь не жалею. Идея в словесном выражении выглядела примерно так: «Василий Аристархович! Отложите-ка на денек свою высшую математику. Раздобудьте елочку. Изжарьте гуся. Купите винца. Накройте стол, зажгите на елке свечи. Пригласите в гости милую вашему сердцу девушку, и двухкомнатная берлога старого холостяка превратится в уютное гнездышко!»

Трезво поразмыслив, я решил так и сделать.

Начал с покупки гуся. С этой целью отправился на рынок. Не прошло и получаса, как я стал обладателем двух отличных живых гусей. Точнее, гуся и гусыни. Старик, торговавший птицей, посоветовал мне купить непременно обоих, так как, по его словам, это была на редкость дружная гусиная семья, и разрушать ее было бы просто некрасиво. К сожалению, я не захватил с собой корзины — гусей мне пришлось нести под мышкой, что было неудобно ни мне, ни им.

Выходя с рынка, я, к счастью, увидел зеленый огонек такси. Желая открыть дверцу машины, я на секунду опустил гуся на тротуар и тут же убедился, что старик мне солгал. Ни о какой дружбе в этой гусиной семье не могло быть и речи. Почувствовав под собой твердую почву, глава семьи раскинул крылья и с гоготом устремился по мостовой. Прижимая к груди гусыню, я бросился ему наперерез. Вслед за мной помчались мальчишки, весело крича:

— Лови его! Хватай! Заходи с фланга!

Гуся вскоре удалось задержать. Его схватили в сберкассе, куда он влетел, спасаясь от погони. Поблагодарив добровольцев за помощь, я сел в такси. Гуси подозрительно косились на меня и дико горланили всю дорогу. Шофер, усмехаясь, качал головой:

— Как бы нас не оштрафовали.

— За что?

— Сигналим, нарушаем правила.

Приехав домой, я запер гусей в ванную комнату и только тогда понял, какую роковую ошибку я совершил, купив живых гусей.

Я отчетливо представил себе: перед тем, как их зажарить, нужно еще ощипать и потом зарезать.

Мне удалось найти выход. Эту операцию я доверил тете Любе, супруге дворника. Гусыню она по моей просьбе оставила себе, а гуся принесла прямо в жаровне.

— Он немного не дошел,— сказала мне тетя Люба,— вы его вечерком поставьте в духовку на слабый огонь. Там он и дозреет.

Таким образом была успешно решена проблема гуся.

Елку я привез домой вечером. Это было рослое деревце, стройное, пушистое, источавшее запах морозного леса. Место для елки было облюбовано заранее — в кабинете у окна. Освободив елку от веревочных пут, я попытался внести ее в кабинет. Не тут-то было! Елка в дверь не влезала. Я понял, что освободил ее несколько преждевременно, и мне пришлось ее снова спутать. Это оказалось весьма трудоемким делом.

И вот с елкой наперевес, как солдат, идущий в штыковую атаку, я прошел в кабинет. Остановил меня звон стекла. На голову мне упал плафон с люстры, который я зацепил елкой. Я сел на диван перевести дух.

Просто на пол ставить елку было бессмысленно: она упадет. Нужно ведро. И не просто ведро, а наполненное водой. Во-первых, это придаст ему устойчивость, а во-вторых, елка дольше сохранится, не будет сохнуть. Все эти полезные сведения я узнал на елочном базаре.

Я принес с кухни ведро воды и поставил его на пол. Потом я развязал елку. Очередная задача теперь состояла в том, чтобы аккуратно поставить ее прямо в ведро. По всей вероятности, я так бы и сделал, если бы не очки. Когда я поднял елку, одна из веток смахнула с меня очки. Это несколько осложнило обстановку, но я решил не сдаваться.

Держа елку прямо перед собой, вытянув руки и на всякий случай закрыв глаза, я высоко поднял ногу (очень мешали нижние ветки) и сделал шаг вперед. Глазомер меня не подвел. Я попал в самый центр ведра, правда, не стволом елки, а левой ногой. Осознать ошибку мне помогли два чувства: сперва осязание, потом вкус. Когда я упал, держа в объятиях елку, щедрая порция воды из ведра попала мне в рот.

Пришлось сделать перерыв. Наскоро переодевшись, я вытер пол. Здесь мне чертовски повезло. Я залез с тряпкой под стол и обнаружил там — как вы думае-

Сергей СМИРНОВ

ЗАКОННАЯ ОНА

Рычит:
— Пришли машину поскорей!
Несется в ГУМ
или спешит завиться.
И
даже Лев —
не стал царем
зверей;
Грознее Льва
Его супруга — Львица.

ЗНАМЕНИТОСТЬ

На щит
подняли
Комара:
Он
выдал песню
на-гора.
И остается
на щите,
Во всей
Вокальной
Нищете.

КОРОТКО И ЯСНО

Сидит
и применяет
слово
«Цыц!»
Для воспитанья
Подчиненных лиц.

ДУБИНОНОСЕЦ

С критической дубиной
канул в Лету.
Мораль:
Не делай из людей котлету

КРУПНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Он промычал:
— Ты старая карга...
Она
ему
наставила рога.

ПРОИГРЫВАТЕЛЬ

Его восторг,
Его волненье
Всегда —
итог
Чужого мненья.

те, что? — свои очки! Это было прекрасно.

Второе ведро с водой я установил на прежнем месте. Действовал я уже значительно увереннее: у меня был опыт. Поставить елку в ведро было делом одной минуты.

Итак, елка стояла в ведре. Она стояла, но требовала соблюдения неизвестных технических условий. Елку нужно было держать. К сожалению, я не подумал о том, что ее следует каким-то образом прикрепить или привязать.

Два метра веревки спасли бы положение. Веревка лежала почти рядом, на подоконнике. Нужно было отойти и взять веревку, но отойти было невозможно. Пришлось вынуть елку и положить ее на пол. Это я сделал так ловко, что слетевший плафон на сей раз в меня не попал.

Я разрезал веревку пополам. Один конец я привязал к ручке балконной двери и наметил на противоположной стене место, куда можно забить гвоздь. Потом поспешил на кухню за молотком. Уже находясь на кухне, я заодно зажег газ и сунул в духовку жаровню с гусем, которому предстояло дозреть.

Вернувшись в кабинет, я взял большой гвоздь и начал загонять его в стенку. Действовал энергично, но вдруг вместе с последним ударом по гвоздю услышал за стеной глухой шум и крики. Сразу же раздался звонок телефона.

Пришлось временно прекратить работу. Звонил сосед. Оказывается, произошло вот что. Видимо, мой гвоздь вытолкнул гвоздь, который был вбит с другой стороны стены. А может быть, причина была иная. Так или иначе, но у соседей висела в застекленной раме копия известной картины Брюллова «Последний день Помпеи». Вы, вероятно, догадываетесь, что вызвало шум, звон и крик... Надо вам сказать, что мои соседи — очаровательные люди. А если к тому же учесть, что разрушения, вызванные падением картины, были значительно меньше разрушений, изображенных на самой картине, легко понять: дело обошлось благополучно.

Вежливо объяснившись с соседями, я положил трубку и снова приступил к делу.

Через час елка стояла как вкопанная. На ее ветвях я развесил игрушки. Оставалась мелочь — укрепить звезду. Я поставил на стул скамеечку и влез на это сооружение. Поднявшись на цыпочки, я, как мне показалось, укрепил звезду. Однако впечатление это оказалось обманчивым. Сперва упала звезда, потом я. Звезда оказалась в более выгодном положении: она упала на диван, а я около дивана.

Но вот, наконец, звезда заняла свое место на самой макушке. Если вы помните, я уже говорил, меня называют «настойчивым малым». Вы могли убедиться, что у людей есть для этого основания.

Итак, в комнате стояла украшенная елка, весело сверкали свечи, был накрыт стол и мне оставалось лишь... Впрочем, подождите.

В квартире напротив жила одна молодая женщина. Она носила очки в светлой оправе, казалась

серьезной, даже строгой. Признаюсь вам, мне нравилась эта женщина. Именно ее я и собирался пригласить на свою елку. Но я не вполне ясно представлял себе, как это сделать. Скорей всего, у меня просто не хватало элементарной решимости...

Неожиданно в дверь позвонили. Я отворил. На пороге стояла она — моя соседка.

— Дорогой сосед,— сказала она,— что у вас случилось? Я сейчас выглянула в окно и вижу...

— Что?

— У вас из форточки валит дым.

Вы, по-видимому, догадались, в чем дело. Это в духовке догорал мой гусь. Мой бедный, дорогой гусь, который принес мне счастье...

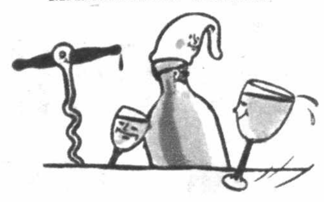
Мы встречали Новый год вместе с соседкой. Она похвалила мою елку, но отметила, что маловато канители. Я же ей сказал, что канители было более, чем достаточно.

В феврале мы поженились. Она биолог, а я, как вы уже знаете, математик. Мы вместе, и мы счастливы.

Если обстоятельства приведут вас к нам в гости, мы будем рады. Мы выпьем вина и угостим нашим любимым блюдом — жареным гусем.

Из почты «Огонька»

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА

НЕВИННАЯ БУТЫЛКА

Бутылку судили за пьянство, а она оказалась невинной...

Суд, конечно, был не настоящий, а товарищеский, потому что, как известно, за пьянство не судят. Больше всех горячились и негодовали Бокал и Рюмка. Бокал призывал присутствующих «трезво взглянуть на вещи» (что ему самому не вполне удавалось), а Рюмка просила скорей кончать, потому что она, Рюмка, не выносит запаха алкоголя.

И вдруг выяснилось, что Бутылка — невинная и не винная. Это доказала со всей очевидностью свидетельница Соска, которой приходилось постоянно сталкиваться с Бутылкой по работе.

Все сразу почувствовали себя неловко. Никто не знал, что говорить, что делать, и только Штопор, который умел выкрутиться из любого положения, весело крикнул:

— Братцы, да ведь нужно отметить это радостное событие! Пошли, я угощаю!

И он повел всю компанию к своему старому другу Бочонку. Было очень весело, Рюмка и Бокал ежеминутно чокались с Бутылкой, и она вскоре набралась по самое горлышко. Все от души радовались тому, что Бутылка, которую они еще недавно так строго судили за пьянство, совершенно невинная...

Впрочем, теперь это была уже несколько запоздавшая радость.

Ф. КРИВИН

Ужгород.

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

ПОКЛОННИК ЧАЕВЫХ

Улыбчивый и кроткий
Он столько
брал «на чай»,
Что приобщился
К водке
И спился
Невзначай.

КАБИНЕТНАЯ ДУША

Во всех вопросах —
Верхоплавка,
Хотя и прислана
Из главка.

МОЛЧАНЬЕ НЕ ЗОЛОТО

Вошел
в центральную
печать...
Но, к сожаленью,
Стал молчать...
Мораль:
Кто ходит безголосым,
Тот
остается под вопросом.

ВОССТАНОВИТЕЛЬ

Давным-давно
изъята
буква ять,
А он
За ять
Готов горой стоять.

НЕДОСТАТОК

И у маститого кита
Есть
Ахиллесова пята.
— А где намек
На ту
Пяту?
— Взамен зубов
Усы во рту.

Редактор Вит. **БИАНКИ.**

Рисунки Вл. ГАЛЬБА, Е. ВЕДЕРНИКОВА.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ В КАРТИНКАХ

КОМУ, ГДЕ, КАК ЗИМУЕТСЯ

Редакция «Лесной газеты» разослала по бездорожью своих лескоров разузнать, как живется нашим зимогорам, у которых нет ни теплых домов, ни продовольственных и товарных магазинов. Посланцы вернулись и сообщили следующее.

На Крайнем Севере, в краю полночном, при свете сполохов необозримая белая пустыня. На океане лед, занесенный чистейшим снегом. Великий мороз. Какие тут могут быть зимогоры?

А есть.

В берлоге своей из льдин крепко спит белая медведица. Давно спит, забыла о еде. И снится ей, что у нее родился детеныш, она кормит его своим молоком. Когда она проснется весной, будет очень удивлена: сон в руку — детеныш живой!

А огромный белый медведь в это время шатается по ледяной пустыне, ищет, чем бы набить свое ненасытное брюхо. Никого кругом. И океан, где так много вкусной рыбы, накрыт крепкой ледяной крышкой. Но в крышке есть дырочки. Распластавшись на льду, словно гигантская черепаха, зверь осторожно подползает к одной из таких дырок. Это продух. Еще с осени сделал его морской заяц — крупный тюлень — и всю зиму высовывает здесь свой нос: тюлени ведь не могут долго без воздуха. А сейчас он вылез на лед вздремнуть. Дремлет чутко, каждую минуту поднимает голову, втягивает воздух, осматривается при свете северного сияния. Медведь замирает на месте, пережидает, опять ползет...

Если уж в ледяной пустыне океана звери умудряются поддерживать свое существование всю долгую-долгую зиму-ночь, нечего и удивляться, что есть зимогоры в тундре. Тут разнообразная растительность: и травы, и мох, и лишайник, и даже заросли деревцов — карликовые березки. Есть чем кормиться под снегом мышке-пеструшке. Неплохо зимуется в тундре песцу — белоснежной полярной лисичке,— когда там урожай на мышей. Холод не голод: если есть шубному зверю чем затопить свою печурку — желудок, никакой мороз ему не страшен.

В широкой полосе наших лесов и тайги сибирской условия зимовки еще лучше. Лес — всякому зверю ухоронка и разной еды поставщик.

Правда, летучие мыши улетают из наших лесов, как птицы, на юг или прячутся на зиму в дупла деревьев. Спят вниз головой, подвесившись коготками задних ног и завернувшись в свои крылья, как в плащ. Ведь летучие мыши не просто мыши. Им нежную пищу подавай: летучих насекомышей. А где их взять зимой?

Зато простые мыши — грызунчики — в крутые зимы чувствуют себя вполне удовлетворительно. Мороз 30 градусов, а у них под толщей снега выше ноля. Мыши вылезают из-под земли, устраивают себе на нижних ветвях кустов теплые гнезда, и, бывает, в самые лютые морозы струится из их гнезда парок: там у них голенькие мышата вывелись!

Хуже нет для мышей оттепели. Снег подтает, просочится вода вниз, не успеет в землю впитаться, тут ее и прихватит новым морозцем, и вот уже толстая ледяная корка. Ни тебе травки погрызть, ни в норке к своим запасам пробиться. Одно спасение мышам — на крутые склоны переселиться: там талая вода быстро скатывается.

На крайнем юге нашей страны в горах зима спускается сверху вниз — с вершин, от вечных снегов. Но земли обычно не достигает. Солнце здесь яркое. С утра оно начинает нагревать землю, и к полудню легкий воздух устремляется со дна долин к вершинам. Этот полдневный бриз несет с собой воздушный планктон — тучи легчайших комариков, мошек, чьи слабые крылышки не могут сопротивляться ветрам. На большой высоте они падают на снег, сраженные холодом. Тут из своих тайных убежищ под камнями со всех ног выскакивают пауки и бросаются на свою добычу. Примечательно, что все пауки черные. Эти хладнокровные маленькие восьминоги должны вобрать в себя достаточно солнечного тепла, чтобы получить возможность двигаться, а черное, как известно, всего больше поглощает солнечных лучей. Чер-

ный наряд спасает пауков от холода, черный наряд и губит их: издали бросается он в глаза на чистом снегу. Высокогорные птички: альпийская завирушка, краснокрылый стенолаз — хватают пауков своими тоненькими клювами, и крошечные черные чудовища идут на обогрев птичьих телец.

ПО СЛЕДАМ БАРОНА

Чего-чего только не наскажут о зверье наши писатели!

Известно: животное — тварь бессловесная, жаловаться да оправдываться в человеческую редакцию не пойдет. Вот и валят на него невесть что.

Был такой знаменитый барон Мюнхгаузен — великий мастер на всякие враки. Автор Эрих Распэ написал книгу о его приключениях. Так ведь книга о Мюнхгаузене — «карателе лжи», по собственному выражению автора,— это смешные пародии на выдумки хвастунов. А наши напишут — попробуй разбери, где у них смеяться, где плакать надо!

Под самый Новый год случилось нам записать в лесу под елкой на пленку магнитофона праздничное собрание редакции «Заячьего вестника».

Ответственный редактор Беляков-Русаковский сел на пенек, заложил ногу на ногу, расправил усы и начал:

— Прошел по лесу слух, что не дальше, как на будущий год, елку будут устраивать для нас, зайцев, люди. На ветвях будут висеть морковки...

— Ах, прелестно! Ах, как вкусно! — восторженно запищала Зая Ушканчик, вечно юная сотрудница детского отдела и секретарь «Вестника».

— Понимаю!..— сказал завотделом восточных литератур мрачный Русакян.— Люди поверили тому автору, который описал, как ядовитая змея спасла человека от голода, и хотят отблагодарить все зверье.

— Ядовитая змея? Человека? — закричали все зайцы сразу.— Расскажите, расскажите! Очень интересно! Человек ее съел?

— Как бы не так! — отмахнулся Русакян.— Ну, свалился человек в глубокую яму, а в этой яме жила гигантская змея. Человек взял и подружился с ней. Змея стала приносить ему еду, а потом и догадалась: спустила ему сверху свой длинный хвост. Человек «уцепился за хвост змеи, а она напряглась, стала крепкой, как железо», и... гопля! — счастливчик на свободе — живой и здоровый!

Все зайцы покатились со смеху. Одна Зая Ушканчик надула губки и смахнула набежавшую слезку.

— Что тут смешного? Так хорошо, когда про добрых зверей печатают в книжках, а не про страшных! Вот я на днях читала про сапсана-сокола, так у меня прямо хвостик дрожал. «Острые ключицы этого хищника,— пишет автор,— рассекают спину взрослого тетерева точно бритвой...» Ужас какой!

— Провалиться мне в лисью нору! — закричал Припрыжкин, зайчишка на побегушках.— Нет ключиц-бритв у птиц! Лопни мои глаза!

— Ну и что ж, что нет! — обиделась Зая.— Все равно страшно. То ли дело, когда симпатичный человек, «обладающий зрением охотника-писателя», встречает утром в лесу кого-нибудь из нас и «спокойное лицо гуляющего зайца не ускользает от его взора»...

— Провалиться мне! — не утерпел Припрыжкин.— А вот я читал книжку, где рассказывается о событиях, очевидцем которых был сам автор. Так и сказано: «сам»! «очевидцем»! В Уссурийском крае. Там, оказывается, кроме парнокопытных, есть еще «круглокопытные» звери. А медведь там — летом! — в свою берлогу — ей бо, не вру! — в берлогу летом себе рыбу про запас таскает, на зиму, что ли! И есть там ущелье — вот где страхи-то! — называется «Смертный туннель», и сквозь него ни пройти, ни проехать, потому что там хищные звери специально подкарауливают охотников.

Тут даже мрачный Русакян расхохотался так, что на ели проснулся глухарь и пробормотал:

— Ишь, расшумелись, лисы на вас нет!

— Это еще что! — успокоил зайцев Беляков-Русаковский.— Это еще цветочки! Вот погодите, к следующему разу я соберу цитаты...

Но что он хотел сказать, так и осталось неизвестным, потому что тут совсем где-то рядом страшно ухнул филин, и зайцев как ветром сдуло.

А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Примечание редакции «Лесной газеты». Щадя авторов приведенных зайцами цитат, имен здесь не указываем. Желающие могут получить необходимые справки в редакции «Лесной газеты». А цитированным да будет стыдно!

Лиса, заяц и петух

«Кукареку, несу косу на плечи, хочу лису посечи. Поди, лиса, вон!»

Рисунки Е. РАЧЕВА.

ИСКУССТВО И НАТУРА

Изошутка Вл. Гальба.

МОДЫ СЕЗОНА

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

ЗАЯЦ-БЕЛЯК. Носите белоснежную меховую шубку. Модно! Безопасно! Гарантия — до весны!

ЛОСЬ. Не ломайте себе голову! Ходите зимой, как мы, без головного убора. Здорово, легко, дешево!

БЕЛОЧКА. Мы носим пушистые серые шубки. Красиво! Практично! Тепло!

ЛИСА-ОГНЕВКА. Ношу огненного цвета мех. Горит на снегу! От охотников отбоя нет!

Н. СЛАДКОВ

Корней ЧУКОВСКИЙ

Говорят дети

Подлинные записи

Наташа, дочь поэта Н., сочинила такие стихи:

Отправили собачку
Летать вокруг Земли.
Ей разных бутербродов
На месяц запасли.
Собачка громко лает
В кабиночке своей,
А спутник все летает
Вокруг Земли моей.

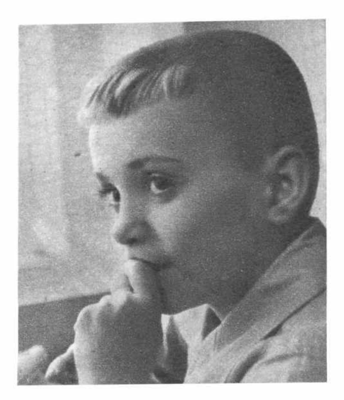
Поэту захотелось приписать к этой Наташиной песенке несколько строк своего сочинения.

— Пожалуйста, не надо,— сказала Наташа.— Ты ведь, я знаю, испортишь.

———

Семилетний Сережа Сосинский:

— Чтоб долететь до какой-нибудь там планеты, надо 169 лет. Значит, чтобы человек действительно долетел до нее, ему надо по дороге жениться и иметь детей, которые и долетят.

———

Недавно я читал по радио отрывки из своей книги о Чехове. Рассказывая о его сахалинской поездке, я упомянул между прочим, что в дороге его обокрали какие-то случайные спутники.

Вскоре после этого из Севастополя мною было получено такое письмо:

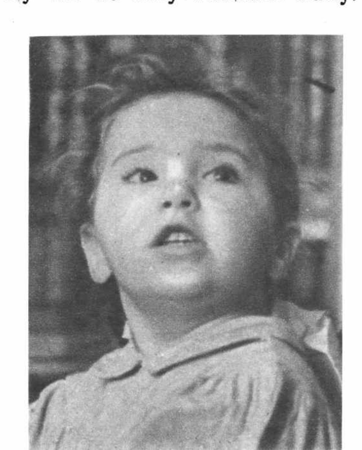
«Мой четырехлетний сын Вова собирался гулять и, казалось, совсем не слушал вашего чтения. Вдруг на лице его появилось выражение ужаса.

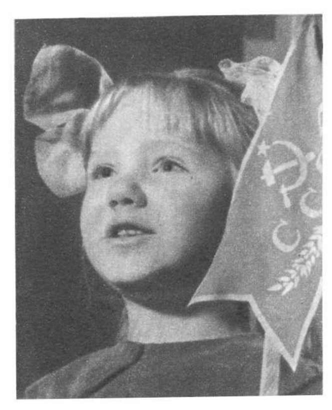
— Мама, ты слышишь? Спутника обокрали!»

———

— Кто красивее — папа или мама?

— Не буду вам отвечать, потому что не хочу обижать маму.

Семилетняя Лена Гулыга сочинила такие стихи:

Какого цвета галстук твой?
Какое знамя над тобой?
Какой ты шар в руке несешь?
Какое платье кукле шьешь?
Все красный цвет, любимый цвет,
Цвет революций и побед.

———

В день выборов Ирочка просит родителей взять ее с собой.

— Нельзя. Ты еще маленькая и даже не знаешь, что такое выборы.

— Нет, я хочу пойти. Я знаю, что такое выборы. Это мы так играем: «Каравай, каравай! Кого хочешь выбирай!»

И разводит руками:

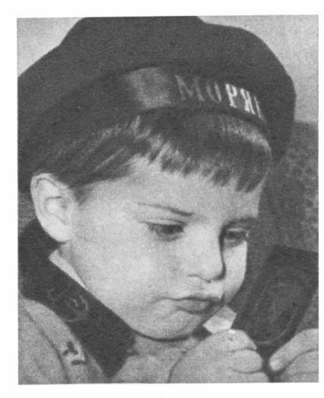
— А кого не хочешь — не выбирай.

———

— Алочка, ты чья?
— Мамина.
— А еще чья?
— Еще чуууть-чуть папина.

———

— Мама, ведь правда, домовых нет, а есть только домоуправы?

Примеряет бескозырку:

— Шапка с моря́корем.

———

— Когда же вы со мной поиграете? Папа пришел с работы и сейчас же за книгу. А мама — барыня какая! — сразу стирать начала.

———

— Володя, знаешь: у петуха нос — это рот!

Фото И. Тункеля.

Веселые

УДАР! ЕЩЕ УДАР! Кукрыниксы

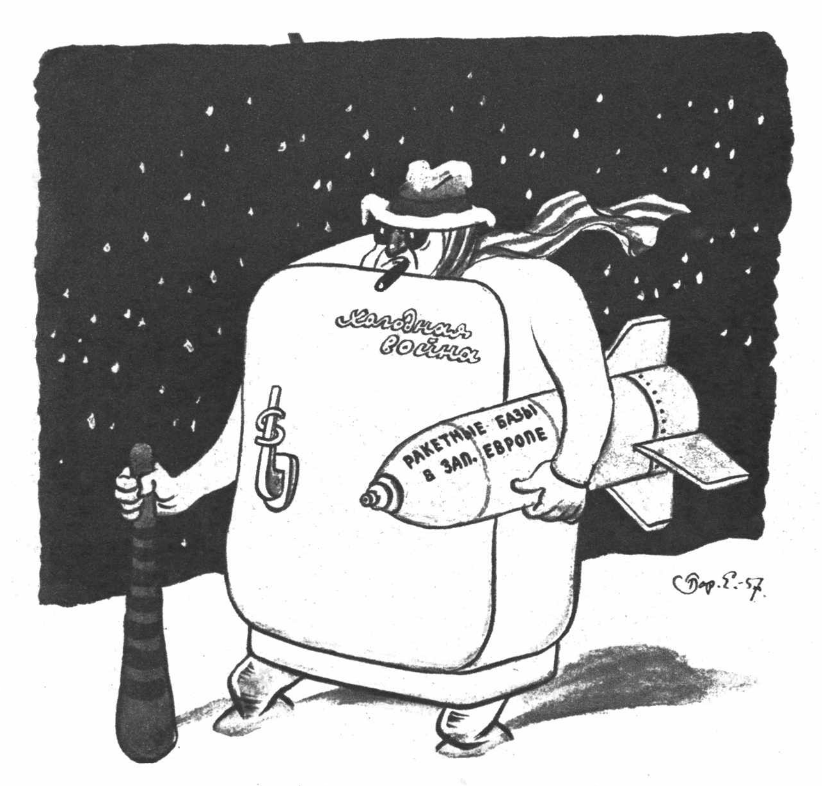

— Только к тебе у меня настоящая любовь, а с Катей я ходил на каток с искусственным льдом.

Н. Лисогорский

ПОЕДИНОК. М. Битный

ЗАОКЕАНСКИЙ «РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ДЕД» В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.

Бор. Ефимов

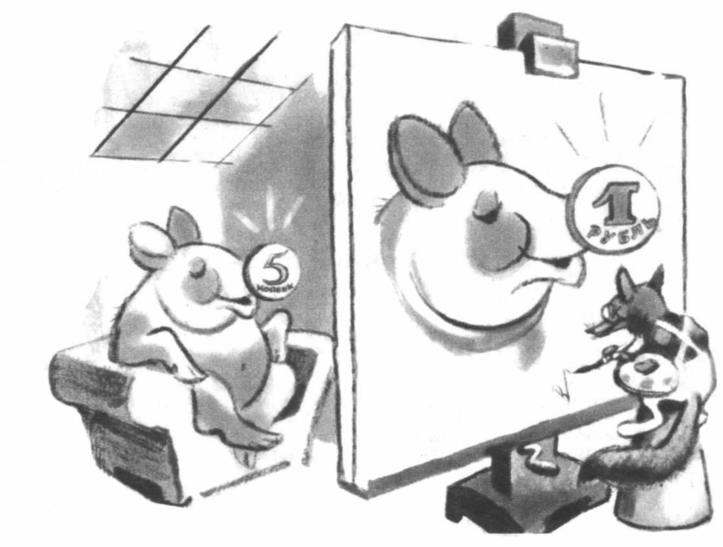

— ХОРОШО, ЧТО ЕЩЕ ОБ МЯГКИЙ ВАГОН...

М. Ушац и К. Невлер

Снежинки

ТОНКАЯ ЛЕСТЬ. **Вл. Гальба**

— КОНДУКТОР, ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ, ИЛИ Я БУДУ ЖАЛОВАТЬСЯ.
И. Оффенгенден

— ОСТОРОЖНЕЕ! А ТО СТОЛКНЕМСЯ!
Ю. Узбяков

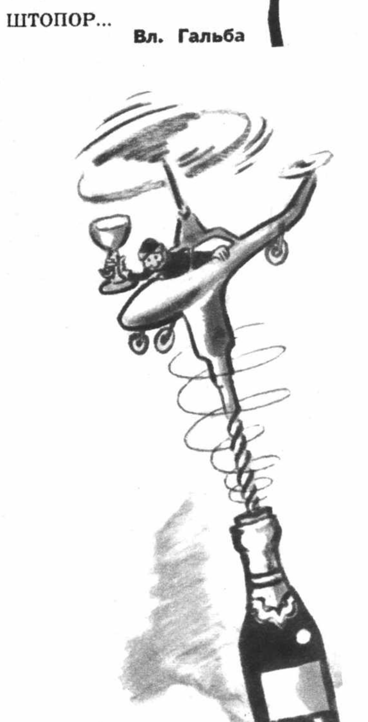
«НАС НА БАБУ ПРОМЕНЯЛ!»
Ю. Федоров

КОГДА ЧАСЫ ПОКАЗЫВАЮТ РАЗНОЕ ВРЕМЯ...
Л. и Ю. Черепановы

ШТОПОР... **Вл. Гальба**

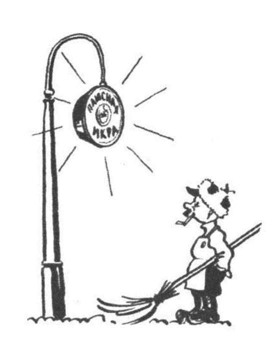
Почему мы так говорим

ЗА НОВОГОДНИМ СТОЛОМ

Чтобы рассказать, почему мы так говорим, мы подчас вспоминали историю вещей, углублялись в далекое прошлое, говорили о культурных связях народов, о событиях, нравах...

Садясь за новогодний стол, мы не будем путешествовать и покидать комнату. Ведь и новогодний стол может кое-что рассказать любителю истории слов.

Вот рыбные закуски. В центре — знаменитая русская икра. Но почему ее зовут паюсной? Паюс — это пузырь, в который спрессовывали подсоленную и предварительно обработанную икру. Сейчас мы знаем только «паюсную икру», а в старину уличные фонари в Москве закрывались не стеклом, дорогим в те времена, а паюсом, были обтянуты прозрачной пленкой, и слово «паюс» было всем понятно.

Названия многих рыб говорят о том, откуда они попали к столу. Скумбрия, пеламида, ставрида, кефаль — это слова греческие. Кефаль, например, от слова, означающего — голова. Еще в VI веке до нашего летосчисления на Северном Причерноморье появились греческие колонии. С тех пор Причерноморье снабжало Грецию и Средиземноморье хлебом и рыбой. Местные племена входили в соприкосновение с греками, возникали новые государства, земли эти пережили римскую оккупацию, набеги, появились славянские племена. Сейчас при раскопках находят развалины больших древних рыбозасолочных ванн, черепки сосудов для рассола, остатки рыб — скумбрии, камбалы, хамсы. Рыбный промысел процветал здесь столетиями. Возможно, некоторые названия черноморских рыб насчитывают века.

Другие рыбы сохранили след татарских названий — это рыбы Каспийского бассейна. Балык — по-татарски рыба. Но у нас балык — обработанная спинная часть рыбы. А тешка — рыбье брюшко. В старину «тезо» и значило брюхо, живот.

А что это за «частиковые консервы»? Частик — и мелкая рыба с частой чешуей (лещ, жерех, сазан, шемая) и сети для ее лова с частой, мелкой ячеей.

Вот холодная говядина с хреном, вот окорок. Почему говядина? Курятина — мясо курицы, баранина — барана, свинина — свиньи. А говядина? Теперь такого слова нет, но когда-то «говядо» в русском языке было обозначением крупного рогатого скота. А в другом славянском языке — болгарском — и сейчас такое слово есть. Кстати, болгарский язык поможет понять и смысл слова «окорок». По-болгарски «крак» — нога, по-украински «крок» — шаг. Отсюда и слово «окорок» — свиная нога.

Рисунки В. Соловьева.

В соусниках — майонез. Когда в 1756 году на только что завоеванный Францией остров Менорку на Средиземном море прибыл один из французских вельмож, на одном из званых обедов в порту Маон был подан новый соус. Его назвали «майонезом», то есть «маонским». Он понравился и вошел в состав соусов, которым французская придворная кухня уделяла большое внимание. Сейчас этот соус «демократизировался» и стал у нас широко распространенным.

В центре стола стоит настоящий географический атлас в бутылках. Ведь Коньяк и Бордо — это города во Франции, Шампань — местность во Франции, давшая имя игристому вину, «Мадера» названа по португальскому острову, с виноградниками, заложенными еще в XV столетии. Список вин-городов был бы очень велик. А наши отечественные вина! Славное «Цимлянское» носит имя станицы Цимлянской, десятки мест Кавказа и, в частности Грузии, Крыма, Молдавии, дали названия винам.

Но вот подали горячее: пожарские котлеты. Они названы вовсе не в честь князя Пожарского. Когда еще не было железных дорог, на почтовой станции Торжок между Петербургом и Москвой меняли лошадей. Здесь останавливался не раз и Пушкин, и у него есть строки о пожарских котлетах:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай...

Любители дичи угощаются фазаном. Более двух тысяч лет назад греки привезли с Кавказа невиданную птицу, которую назвали «фазианос», то есть «фазисовская», по реке Фазис, как тогда называли нынешний Рион.

Подают кофе. («Кофе» — по местности Каффа, «Мокка» — по городу в Йемене). На столе появились пирожные, в частности слоеный «наполеон», шоколад с начинкой пралине. В год столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года одна из фирм своеобразно «отметила» празднество, выпустив в продажу пирожные, нарезанные треугольниками (как треуголка Наполеона).

А начинки тортов, вафель и шоколада пралине носят имя французского маршала XVIII столетия Дюплесси Пралена, повар которого «изобрел» сладкий соус из растертых с сахаром обжаренных орехов. «Изобретатели»-повара сохранили в названиях блюд имена забытых историей, никому не нужных вельмож.

И. УРАЗОВ

«В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ЕЛОЧКА...»

Кто не знает эту песенку! Кажется, что она существовала всегда и знакома не только малышам, но и бабушкам и дедушкам. Но история популярной песенки известна немногим. Ее нам рассказала писательница Раиса Адамовна Кудашева.

Впервые песенка была опубликована в 1903 году, в детском журнале «Малютка», издававшемся в Москве, и подписана псевдонимом из двух букв. Спустя некоторое время А. К. Бекман написал к ней музыку и включил в

детский музыкальный сборник. Песенку стали петь на всех новогодних праздниках, причем автором и музыки и слов долгое время считали Бекмана.

В 1941 году авторство Р. А. Кудашевой было восстановлено Детгизом, который напечатал песенку за ее подписью в сборнике «Елка». 1958 год для Раисы Адамовны вдвойне юбилейный: песенке «В лесу родилась елочка» исполняется пятьдесят пять лет, а ее автору — восемьдесят.

В детской литературе Кудашева работает с конца прошлого века. Ей принадлежит около двухсот песенок, стихов, сказок, рассказов. Много изданий выдержала ее книжка в стихах «Бабушка-забавушка и собачка Бум». К песенке «В синем море, на просторе» Р. М. Глиэр написал музыку. Некоторые из непереиздававшихся вещей Кудашевой живут среди ребят в устной передаче, как, например, сказка «Беда Петушка» и «Санки-самокатки».

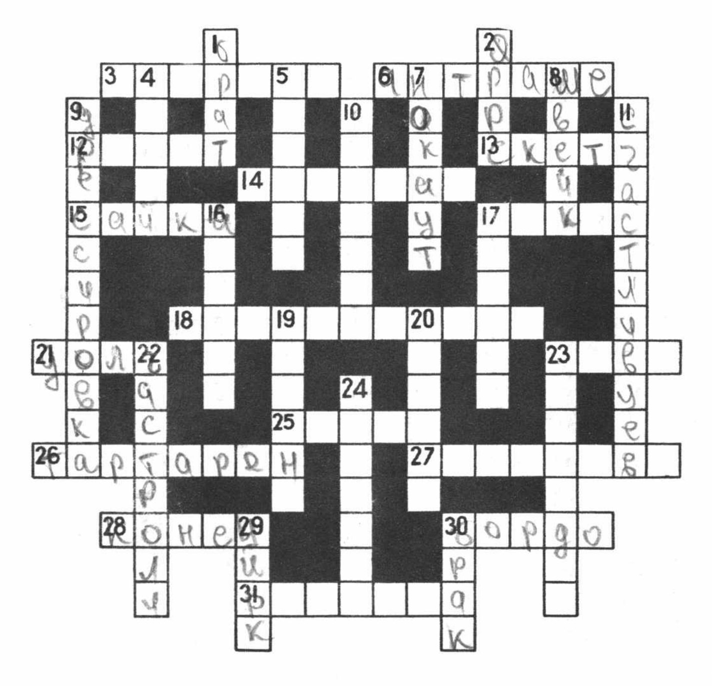
Р. А. Кудашева находится сейчас на пенсии. С белоснежными волосами, с приветливой улыбкой, в очках, сквозь которые смотрят живые глаза, она похожа на добрую бабушку из сказки. В настоящее время она работает над повестью о мальчике; действие повести происходит в Великую Отечественную войну. Все детали повести обдуманы, но перенести ее на бумагу, имея восемьдесят лет за плечами, не так-то легко.

К Новому году Р. А. Кудашева написала для «Огонька» стихи:

Опять ты зажглась,
новогодняя елка,
Опять ребятишек в кружок
собрала,
И звезды сверкают
в душистых иголках,
И песенка наша опять весела.
Нет лучше подарка,
желанней и краше!
Тобой, долгожданной,
любуемся мы,
Красавица елка, любимица
наша,
Зеленое дерево белой зимы!

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Экипаж. 6. Прыжок в балетном танце. 12. Винная пальма. 13. Пьеса шутливого содержания. 14. Автор комедии «Школа злословия». 15. Пшеничный хлебец. 17. Ловкий прием, трюк. 18. Способность фантазировать. 21. Деньги, подлежащие возврату. 23. Нелетающая птица. 25. Совершенство. 26. Хвастун в романе А. Додэ. 27. Первая исполнительница роли Марии Антоновны в «Ревизоре». 28. Причальный канат. 30. Оттенок красного цвета. 31. Бесхвостое земноводное.

По вертикали:

1. Родственник. 2. Этаж в театральном зале. 4. Главный персонаж в оперетте Ж. Оффенбаха. 5. Кушанье. 7. Поражение в боксе. 8. Популярный герой чешского писателя. 9. Обучение животных определенным навыкам. 10. Отличительное свойство, признак. 11. Герой пьесы А. Н. Островского «Лес». 16. Излишняя самоуверенность. 17. Ароматическое вещество. 19. Декоративный кустарник. 20. Русский сатирический журнал середины XIX века. 22. Выступление театрального коллектива. 23. Пресмыкающееся. 24. Подвижная игра. 29. Советская кинокомедия. 30. Недоброкачественная продукция.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

5. Украина. 7. «Кобзарь». 8. Дина. 9. Аквамарин. 11. «Русь». 14. Гоголь. 17. Ректор. 18. «Полтава». 19. Организация. 21. Микешин. 23. Басоля. 24. Оксана. 27. Псёл. 29. Корнейчук. 30. Григ. 31. Нарцисс. 32. Авдотка.

По вертикали:

1. Аквилон. 2. Лада. 3. Узор. 4. Простор. 6. Анка. 7. Каир. 10. Местоимение. 12. Хлорофилл. 13. Земляника. 15. Гораций. 16. Авиация. 20. Рассказ. 22. Антипка. 25. Щорс. 26. Луна. 28. Луцк. 30. Грот.

На вкладках этого номера репродукции картин А. Бубнова «Лето», А. Пластова «Когда на земле мир», М. Володина «Концерт на стройке», Н. Тансыкбаева «Высокогорный каток», А. Казанцева «Первая репетиция пьесы А. М. Горького «На дне» в Московском Художественном театре», А. Костиной «Выпускной вечер» и Табель-календарь на 1958 год.

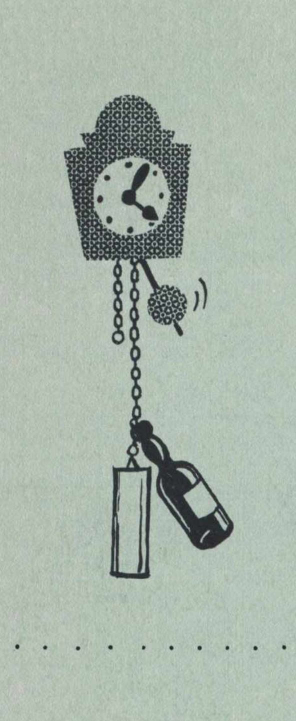
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

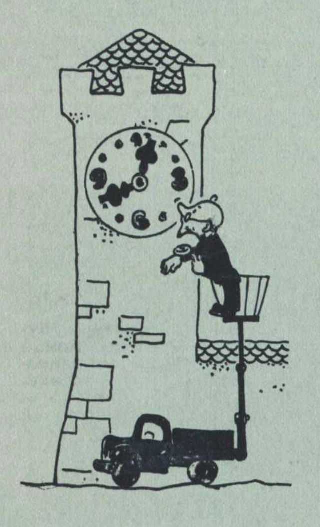
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10444. Подписано к печати 25/XII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 300 000. Изд. № 2. Заказ № 3185.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

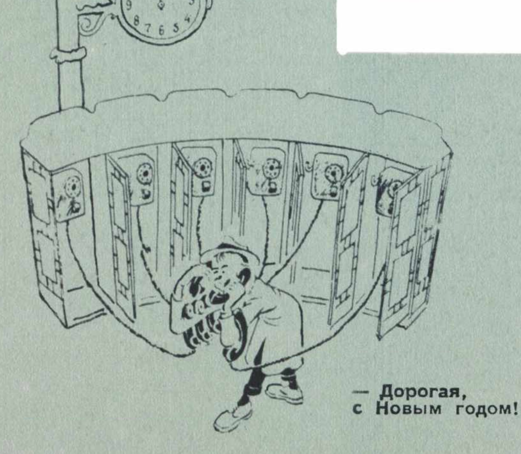

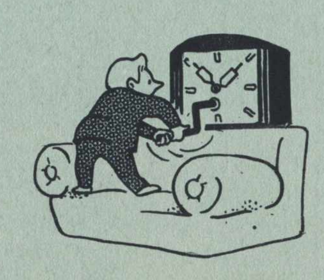
Близорукий.

Рисунки М. Ушаца, К. Невлера, Л. и Ю. Черепановых.

Рисунок Константина РОТОВА

— Дорогая, с Новым годом!

Часы автолюбителя.

Часы с маятником...

Горизонт все ближе, ближе.
У зимы не счесть дорог...
Пласт мороза режут лыжи,
брызжет солнце из-под ног.

Только снег вокруг, да поле,
да лыжня по целине.
Только смех подруг на воле
раздается в тишине.

Только ивы межевые,
только инея цветы...
И бодрит сердца живые
мир распахнутой мечты!

Василий ЖУРАВЛЕВ

Цена номера 3 руб.

Л. Ткаченко. ГОД 1917.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ 1958

Дни недели	ЯНВАРЬ					Ф
Понедельник		6	13	20	27	
Вторник		7	14	21	28	
Среда	1	8	15	22	29	
Четверг	2	9	16	23	30	
Пятница	3	10	17	24	31	
Суббота	4	11	18	25		1
Воскресенье	5	12	19	26		2

Дни недели	ИЮЛЬ					А
Понедельник		7	14	21	28	
Вторник	1	8	15	22	29	
Среда	2	9	16	23	30	
Четверг	3	10	17	24	31	
Пятница	4	11	18	25		1
Суббота	5	12	19	26		2
Воскресенье	6	13	20	27		3 1

ЯНВАРЬ 1 — Новогодний праздник; МАЙ 1, 2 — Междуна праздник солидарности трудящихся;

ЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ	Дни недели
3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	Понедельник
4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	Вторник
5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	Среда
6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	Четверг
7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	Пятница
8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	Суббота
9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	Воскресенье

АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	Дни недели
4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	Понедельник
5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	Вторник
6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	Среда
7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	Четверг
8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	Пятница
9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	Суббота
0 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	Воскресенье

родный

НОЯБРЬ 7, 8 — 41 год Великой Октябрьской социалистической революции; ДЕКАБРЬ 5 — День Конституции СССР.